

A watercolor illustration of a landscape. In the foreground, there's a body of water with some reeds or grass. In the middle ground, there are several trees, some with yellow and orange foliage, suggesting autumn. A small figure of a person is visible near the trees. In the background, there are more trees and a small building or structure. The overall color palette is warm, with yellows, oranges, and browns.

Вера Мосова

Ходила
младёшенька
по борочку

Вера Мосова

Ходила младёшенька по борочку

«Издательские решения»

Мосова В. Е.

Ходила младёшенька по борочку / В. Е. Мосова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747827-8

Роман «Ходила младёшенька по борочку» продолжает повествование о большой и дружной семье Беловых, уже знакомой читателю по книге «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», и переносит нас в 80-е годы XIX века. Новые интриги и новые приключения ждут героев, особенно юную Любашу, на чью долю выпали непростые испытания. Вот уж, поистине, «не родись красивой»...

ISBN 978-5-44-747827-8

© Мосова В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ходила младёшенька по борочку

Вера Мосова

© Вера Мосова, 2016

© Мария Лебедева, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Весёлое апрельское солнце проникает сквозь намытые до блеска стёкла окон, отражается в огромном медном самоваре, а оттуда бьёт прямо по глазам. Любочка невольно жмурится, отводя взгляд в сторону – хорошо она начистила самовар! В него теперь, как в зеркало, смотреться можно, только лицо смешно расплывается на его пузатых боках. Мать послала её в чистый четверг на помощь бабушке Анфисе, и уж внучка расстаралась, от всей души оттерла самовар золой. Она и полы с песком пошоркала¹, и старый деревянный стол с лавками острым ножом отскребла, и накрахмаленные задергушки тяжёлым чугунным утюгом, наполненным горячими углями, старательно погладила. И вот смотрит она сегодня на плоды своего труда и радуется – хорошо они с бабушкой к Пасхе подготовились! В избе светло, тепло и пахнет куличами. На полу белеют постиранные половики, горка сундуков накрыта изящной кружевной салфеткой, связанной её тётушками Марусей и Нюрой ещё в пору их девичества. Любаша стелет на стол отороченную тонким кружевом скатерть, которую когда-то давно дед Прохор привёз из Ирбита, с ярмарки. Анфиса достаёт её только по большим праздникам, а сегодня именно такой. Она велит девице вынуть из старого сундука фарфоровый сервиз, чтоб уж всё было честь по чести.

– И чего бы я без тебя делала, Любушка? Помощница ты моя! – Анфиса ласково потрепала внуку по плечу. – Одной-то мне ни за что бы не управиться!

Любушка зарделась от похвалы. Она знает, ради кого старается! Сегодня специально пришла пораньше, чтобы помочь бабушке стол накрыть. Скоро вся семья соберётся в этой избе, вернее, половина семьи. Так уж получилось, что дочери Анфисы далеко живут, в самом аж Екатеринбурге, а здесь, в заводском посёлке, остались только сыновья. Старший, Иван, Любушкин отчим, тут же, на этом подворье живёт, только в отдельной избе, а младший, Василий – по другую сторону реки, в самом центре посёлка, в богатом двухэтажном доме. Любаша была там однажды, когда первенец у молодых родился, ходила в гости вместе со своими родителями. Красиво у них, мебель диковинная, никаких лавок, стулья с чудными изогнутыми спинками у стола стоят, а вместо сундуков – комоды да буфеты всякие. Она и названия-то эти не сразу запомнила. В общем, не дом, а настоящий дворец. Дед-то Василков дворянских кровей оказался, уж он расстарался для единственного внука. Правда, взрослые Любушке не рассказывают, что там за история вышла, как это Василко стал вдруг отчимовым братом, если у него своя дворянская родня имеется.

Любушка и сама-то в этой семье чужая, ну, это если по крови считать, а на самом-то деле её все любят, как родную, никто слова худого не скажет. Но она не забывает, что в ней течёт цыганская кровь, отца своего помнит, черноволосого красавца Гожо. Вообще, у неё какие-то очень смутные детские воспоминания, они чаще связаны с дорогой, с переездами и с матушкой, которая украдкой вытирает слёзы. А ещё она помнит много-много воды, причём, солёной на вкус. Матушка говорит, что это море. Когда-то они жили на берегу этого самого моря в ветхой избушке, и это осталось в памяти. Любаша вспоминает огромные волны, которые с шумом перекатывались, набегая на берег. Иногда они ей снятся, и долго потом она томится каким-то непонятным желанием. Ей хочется вернуться к этим волнам, пройтись по берегу босиком, чтоб вода игриво облизывала её ноги и возвращалась обратно. Всё это было с ней, но в очень далёком прошлом, больше похожем на сон, чем на явь.

А потом в её жизни появились дед Савелий и бабушка Наталья. Любушка помнит, как плакали оба, когда они с матушкой приехали сюда. Ей сразу понравилось жить в их большом и светлом доме. А потом они пошли к Беловым знакомиться с сестрёнкой Асей, она в ту пору

¹ Пошоркала – потёрла, почистила (диал.)

была ещё совсем малышкой, даже ходить не умела. Тогда же Любаша познакомилась и с дедом Прохором, и бабушкой Анфисой, и с тёткой Марусей. Но ярче всех ей запомнился Василко. Это сейчас он для всех Василий Прохорович, а для неё так и остался Василком. Так уж получилось, что день, когда Любушка впервые перешагнула порог старой беловской избы, запомнился ей навсегда. Василке тогда уже годов тринадцать было, а ей всего-то пять. Но как он на неё смотрел! Она это заметила, только виду не подала. На ней в тот день было её любимое пышное платье цвета первой зелени и капор, из-под которого выбивались непослушные чёрные локоны. Сейчас-то она понимает, что он привык видеть девочек в льняных сарафанах да в платках и был поражён не ею, а её нарядом, но тогда-то она не знала, и ей это даже понравилось.

А уж когда Любушкина матушка за Ивана замуж вышла, они с Василком и вовсе подружились. Он всячески опекал юную подружку, играл с ней в прятки да жмурки, на качуле качал, и она была счастлива. Вон какой у неё друг – взрослый да красивый! Светлые пушистые локоны и васильковые глаза. Тогда она решила, что именно за цвет глаз его Василком и назвали. Но недолго её счастье длилось, отправили парня на чужбину учиться, и редко он потом домой навещался. А уж как она скучала без него! Долгих четыре года ждала каждого его приезда и всякий раз бесконечно радовалась своему дружку. Он рассказывал ей про горное училище, про екатеринбургскую жизнь, про приятеля своего Стёпку. Вот уж кому сызмальства судьба непростая выпала! Любушка ловила каждое слово Василки и была бесконечно счастлива. А потом вдруг дед его выискался, народно-родной, и уехал парень с ним аж в самую столицу. Как тогда девица огорчилась, думала – не вернётся он больше в родной посёлок. А он вернулся! Вот было ей радости! Солидный такой, учёный! В форме горного служащего ходил. Красавец! Только грустный почему-то. С ней больше не играл, но при встрече всегда по-доброму улыбался. И так ей было тепло от его улыбок, так радостно, что наконец-то он здесь, рядом. На заводе он работал, важный такой. И Любушка им гордилась. Дедушка Савелий всегда говорил, что он толковый парень. А дед знает, что говорит, он и сам учёный! Шихтмейстером главным на заводе был, пока совсем не расхворался.

И поверилось тогда Любушке, что Василко теперь всегда будет рядом, что однажды он заглянет в очи её чёрные и увидит в них то, что она от всех скрывает. И перестанет он кручиниться, и снова повеселеет, а уж она обязательно сделает его счастливым. Ещё всего-то каких-нибудь два-три годочка подождать, пока невеста подрастёт, и можно сватов засылать. Да чего там засылать! Они ж на одном дворе живут, и всё у них непременно сладится. Девица носила в себе эту тайную надежду и никому о ней не рассказывала. И надо же было такому случиться, что Василко вдруг невесту привёз из Екатеринбурга, Елизавету. Красавицу! Скромницу! Вот уж полоснул ножом, да прямо по сердцу! Горько она плакала, укрывшись от всех в амбаре, когда молодые к венцу поехали. А потом слёзы вытерла и твёрдо сказала себе, что придёт ещё её время. Она подождёт. Она так просто не отступит! Вот по сей день и ждёт. А чего ждёт-то? Всё справно у Василки в семье: жена-красавица, сыночек подрастает, в честь прапрадеда дворянского Филимоном названный, чтоб Ивана Филимоныча порадовать. Сам-то дед Василков, рассказывают, тоже женился, только деток ему больше Господь не даёт, так он и радуется, что правнук у него теперь есть.

Пока Любаша расставляла на столе посуду, да доставала из голбца закуски, со двора вернулся дед Прохор. Вроде с виду и крепкий ещё старик, но уже и прихрамывать начал, и спиной мается на непогоду, а бывает, так зайдётся кашлем, что долго остановиться не может.

– Иди-ка, дед, чистую рубаху надень, – заворчала на него Анфиса. – Скоро уж гости придут, а ты всё по двору топчешься! Грех сегодня работать-то, сам знаешь!

– А Господь трудолюбивых любит! – отозвался с улыбкой Прохор. – Разве ж можно праздник встречать, не управив скотину?! Она-то ни в чём не виновата, чтоб в навозе из-за людской лени лежать! Правда, Любушка?

Внучка озорно кивнула, а бабушка только рукой махнула в ответ.

Вскоре пришла Ася, ведя за руку младшего брата, четырёхлетнего Сашеньку. Ей уже минуло десять лет, и девочка всячески старалась показать, что она уже большая. Она и в самом деле была рассудительна и хозяйственна не по годам. Следом прибежал Степан, который был на два года младше сестры. Он с удовольствием втянул носом воздух в предвкушении праздничного угощения. Оба мальчика были одеты в новые косоворотки и перевязаны поясками. Тюша с Иваном вошли с поклонами и неизменным «Христос воскрес!» Они троекратно расцеловались с пожилыми родителями и велели детям последовать их примеру. Мальчики с серьёзным видом исполнили весь ритуал, христосуясь с дедом и бабушкой. Тюша слегка располнела, налилась, но по-прежнему хороша собой. На ней нежно-голубая блузка, оттеняющая цвет её глубоких глаз, подол широкой юбки со множеством оборок почти касается пола, косы уложены на голове красивой короной, как носят городские женщины. Иван как будто раздался в плечах, виски его слегка покрылись сединой, а вокруг глаз залегли морщинки, которые делали его улыбку ещё теплее и приятнее. В руках он держал творожную пасху, приготовленную женой.

За окном зазвенел колокольчик, и у ворот остановилась повозка.

– Ну, вот и заводское начальство пожаловало, – усмехнулся Прохор, – оне у нас пешком не ходят!

Детвора бросилась к окнам, а Любочка вся вмиг подобралась и слегка покраснелась от волнения. Вскоре молодая семья уже стояла на пороге, повторяя всё тот же пасхальный обряд. Маленький Филя держал в руке красивое яичко, которое протянул бабушке. Все поочередно подходили к вновь прибывшим гостям для поцелуев. Пришёл и Любашин черёд.

– Ой, племянница, какая же ты красавица стала! Совсем невеста! – распахнув руки для объятий, с восхищением проговорил Василий.

– Да, она у нас в девках не засидится, – подхватил Иван, – кавалеры то и дело кружат возле ворот. Да только жалко красоту-то такую в чужие руки отдавать.

– А мы и не отдадим! – улыбнулся Василко.

Кабы знать ему, что в душе Любашкиной творилось в миг этот, не стал бы он такими шутками опрометчивыми бросаться. Почитай, целый год с прошедшей Пасхи ждала она этого поцелуя, неспроста первая к бабушке сегодня прибежала да помогать вызвалась. Лизавета легко и просто обнимается с Любашей вслед за мужем, целует её в щёки. Глаза её излучают тепло, радость, чего не скажешь о Любашином лице в этот миг. Но маленький Филя уже дёргает маму за подол, и она переключается на сына, не заметив холодного блеска в глазах племянницы.

Детвора уже весело галдит, расположившись на полатах, и только Ася с серьёзным видом наблюдает за ними. Она тут же взялась опекать своего маленького братца, дяди Васиного сынка, который напоминает ей ангелочка с рождественской открытки. У Фили такие же белокурые локоны, как и у его отца в детстве, а глаза – чёрные смородинки, срисованные с маминого лица. Он мило улыбается и забавно щебечет, пытаясь быть ровней со своими старшими братьями. С Сашенькой-то они уже давно закадычные друзья, всего лишь годок разницы между ними. А вот Стёпа для них обоих на недостижимой высоте! Анфиса радуется весёлому гомону, которым наполнилась изба. Дом словно ожил, встряхнулся и раскинул свои объятия самым желанным гостям. Прохор чинно беседует с сыновьями, тоже радуясь в душе, какие справные парни у него выросли, каждым из них не грех и погордиться. Любаша старательно хлопочет у печи, помогая бабушке снимать с шестка горячие чугушки с угощениями. Невестки неспешно выставляют на стол свои гостинцы, специально к празднику приготовленные.

Вот хозяйка приглашает гостей к столу. Василий бережно, под локоток ведёт свою Лизавету да за стол усаживает. Любушка искоса наблюдает за ним. А ведь неспроста он так заботлив с женой, под свободной блузой её уже слегка округлился животик. Всё крепче и крепче привязывает к себе мужа коварная соперница. Тюша в это время внимательно наблюдает за дочерью.

Давно она приметила, как странно ведёт себя та при Василке, да всё надеялась, что одумается девка, поймёт, что у него своя жизнь. Ан, нет! Не одумалась! Придётся с ней серьёзно поговорить. Ох, уж эта цыганская кровь, так и кипит, никакого с ней сладу!

Глава 2

После Пасхи Тюша всё искала повода поговорить с дочерью. Негоже девице так себя вести. Не маленькая уже, чай, впору женихов присматривать, а она по Василию сохнет. Задумчивая стала. Жалко смотреть на неё. А тут как раз случай и представился. За ужином Иван говорит:

– Ко мне сегодня Киря Титов заходил, ну и намекнул промеж дел, мол, девка ваша уже созрела, спросил, сколько ей годов стукнуло. Говорю ему, что шестнадцатый идёт. А он мне, дескать, неплохо бы сговориться да сватов к осени засылать. Сынок-от его, Гришка, уж больно по ней сохнет, оказывается.

– А ты ему чего ответил? – спросила Тюша.

– А чего я отвечу без её согласия? Жить-то ей!

Тюша посмотрела на Любушку. Та норовисто дёрнула плечом:

– Ещё чего! Не собираюсь я замуж! Тем более за этого увальня!

– А за кого бы ты пошла? – поинтересовался Иван. – Это я на тот случай, если ещё кто намекает станет про сватовство. Должен же я знать, чего людям отвечать – стоит им сватов засылать али нет.

– Ни за кого я не хочу! Я пока не собираюсь замуж! – отрезала девица. – А будете силой заставлять, так я из дома уйду!

– Вот те на! – обиделся Иван. – Уж, вроде, я никогда тебя ни в чём не неволил.

– Зря ты так, Люба! – обратилась к ней матушка. – Наше дело бабье – вовремя замуж выйти да детей мужу нарожать. Мы тебя неволить, конечно, не станем, но и ты подумай – пора подходит, значит надо выбор делать. За нелюбимого мы тебя не отдадим, это понятно. Худа мы тебе не желаем. Много их тут за тобой ухаживает, неужто ни один не нравится?

Любушка отрицательно покачала головой.

– Ну, нет и нет, – сказал Иван, выходя из-за стола. – Значит, не пришло ещё твоё времечко.

Он ушёл, а Тюша подвинулась поближе к дочери, положила свою ладонь ей на руку и легонько погладила.

– Негоже, доченька, по женатому мужику сохнуть, – начала она вполголоса.

Любушка от неожиданности замерла.

– Я ведь вижу, что Василко тебе по сердцу, вы сызмальства дружны были. Только не твоё это, девонька моя. Отступись, и тебе самой легче станет.

– Не станет! – твёрдо сказала Люба.

– И что теперь? Ты из-за него век в девках сидеть собираешься?

– А я дождусь своего часа! – так же упорно продолжала девица.

– Грех это, Любушка! Отступись! Христом Богом тебя прошу – отступись! Иначе сраму не оберёмся. Как же мы будем в глаза Лизавете смотреть?

– А Лизавета ведь не вечна! Может в родах помереть, может от горячки свалиться или отравиться чем-нибудь!

– Господь с тобой, доченька! Что же ты такое говоришь-то?! Грех ведь о живых-то так! Разве ж можно ждать чьей-то смерти?! У тебя своя жизнь! Не лезь ты в чужую!

– А она в мою жизнь влезла! Это можно? Я её сюда не звала! Не она бы, так я, может быть, за Василку сейчас пошла.

Тюша обняла дочку:

– Глупенькая, неужели ты не видишь, что они в ладу живут? Вспомни, как он её из отцова дома выкрал да сюда увёз. Это ж неспроста! У него своя судьба, а у тебя своя. Господь ведёт вас

разными путями. А ему-то виднее! Ты ещё встретишь своего суженого, будь уверена, а Василку забудь! Не рви себе душу. Да и мне тоже.

Любушке в этот миг безумно захотелось прильнуть к материнскому плечу и поплакать от души, но в неё словно бес какой вселился, и он оказался сильнее.

– А я не отступлю! Я добьюсь своего! – с вызовом заявила девица и вышла из избы.

Тюша только горько вздохнула – никакого сладу с девкой! Вспомнилось, как сама она в таком вот возрасте из дома родительского сбежала по большой любви. И что ей эта любовь дала, кроме мытарств? А ведь такая же была горячая да своенравная, как Любаша. Но то была её жизнь, её судьба. Она, хлебнув горя, стала сильнее и мудрее. И видит сейчас, как девка близка к ошибке, которую мать не в силах предотвратить. Ведь за дочку-то её жизнь не проживёшь! Она сама свои шишки набивать должна и на них постигать житейскую мудрость. Пока не обожжётся, не поймёт. Разве сама Тюша слушала свою матушку (царствие ей небесное)? А ведь та ей тоже добра желала, видела, что с Гожо не будет девке счастья. Да что теперь ворошить, как сложилось, так тому и быть. Не будь у неё того горького опыта, разве могла бы она сейчас ценить всё, что судьба ей наконец подарила? Вот и Любаша напролом идёт к своим горестям, и ничем её не удержишь. А так хочется оградить свою кровиночку. Помоги ей, Господи! Вразуми несчастную! Это только в твоей власти...

На Радуницу все пошли на кладбище. Милостыню убогим подали, прибрали могилки. Пока Анфиса с Прохором присели у могилы деда Степана, Тюша своих родителей провела, они теперь рядом с Лушей лежат. Уже, почитай, год как померли. Отец вдруг расхворался и за неделю сгорел. И матушка после него недолго пожила, следом отправилась. Только здесь теперь Тюша со своей семьёй и встречается да прощенья просит за все беды, что им принесла. И знает она, что груз этот на её сердце никогда не станет легче, так и жить ей с ним.

– Вот, Любушка, посмотри на меня, – сказала она подошедшей дочери. – Однажды и ты так же на моей могилке слёзы лить станешь да казнить себя, что не слушалась слова родительского. И дай Бог, чтоб боль твоя не была такой невыносимой, чтоб не пришлось тебе сожалеть, что своим поведением ты жизнь родительскую укоротила.

Дочь молчала, не зная, что ответить. Соглашаться с матерью не хотелось, но и перечить на кладбище она не решилась. В это время подошла Ася:

– Матушка, я хочу бабушке с дедушкой яички крашеные положить на могилку, дедушка Прохор сказал, что тогда их души получают облегчение на том свете.

– Давай, доченька, только его надо раздавить и скормить вольной птице.

– А где же ту птицу взять?

– Она сама сюда прилетит, когда мы уйдём, и будет нам очень благодарна.

– Давай и тётушке Лукерье тоже яичко положим.

– Клади, Асенька, да сядь-ко рядом со мной, мне кое-что тебе открыть надо. Ты уже девочка большая да разумная, пора тебе и правду знать.

Ася с недоумением посмотрела на мать и тихонько присела на скамеечку рядом с ней.

Видишь ли, дочка, жизнь иногда бывает очень запутана, но не нам с тобой о том судить. Господь нас по жизни ведёт. Когда-то давно твой батюшка был женат на сестрице моей Лушеньке.

– А ты где была? – удивлённо посмотрела на неё девочка.

– А я в ту пору была очень далеко, у меня был другой муж, Любочкин отец, царствие ему небесное. Видишь, какая она у нас чернявенькая, это она в отцову, в цыганскую породу удалась.

– А потом вы с папой обвенчались, и появилась я? – быстро сообразила рассудительная девочка.

– Не совсем так, доченька. Ты появилась раньше. И родная твоя мать – моя сестрица Лушенька. Ты девочка большая, разумная, одиннадцатый годок уже идёт, и негоже тебе не знать родимой матушки.

Ася растерянно смотрела на Тюшу.

– Но все ведь говорят, что я на тебя похожа, – в глазах её стояли слёзы, она не хотела верить тому, что услышала.

– Так и есть, потому что мы с Лушей были очень похожи. Она и имя тебе в честь меня дала. Ты ведь Анастасия! И я Анастасия!

Ася растерянно улыбнулась.

– Да ты не расстраивайся, дочка! Ты всегда будешь моей доченькой. И я тебя всегда буду любить. Но я не могу больше хранить эту тайну. Ради памяти сестры. Это она твоя настоящая мать, она тебя родила и вскоре же померла. А я тебя вырастила. Так что ты теперь только богаче стала. У тебя две матушки: мама Тюша и мама Луша. Ну, что ты кручинишься? Улыбнись скорей! Она сейчас смотрит на нас с небес и радуется, что ты знаешь, кто твоя родная мать. Ей ведь там горько было думать, что родная её доченька живёт себе и не знает правды о ней, не матушкой её зовёт, а тётушкой Лукерьей. Это же неправильно!

Асенька, нахмутив лобик, старательно переваривала неожиданную новость. Наконец она спросила:

– А тятенька? Он мне родной?

– Родной, конечно! Да и я тебе родная, девочка моя! У нас ведь одна кровь течёт!

Домой Ася возвращалась притихшая и задумчивая. Любушка молча взяла её за руку и шагала рядом. Они уже отстали от всех родственников, но продолжали шагать не спеша.

– Люба, а ты знала, что мы не сёстры? – несмело спросила Ася.

– Как это не сёстры?! Сёстры мы!

– Ну, что не родные?

– Знала, ну и что?

– А мне почему не сказывала?

– А зачем? Твой батюшка стал моим отцом, а моя матушка – твоей матерью. Мы всё равно родня. Помнишь, у нас тётушка Нюра из Екатеринбурга гостила с семьёй? Так вот, Варя, дочка её, звала меня кузиной. А у нас в заводе говорят «сродная сестра». А если сродный брат, то у них в городе «кузен» называется. Это они там по-французски говорят. Значит, и мы с тобой кузины!

– А мне больше нравилось быть твоей родной сестрой. Ты такая баская², вон на тебя все оглядываются! Я думала, что вырасту и стану такая же, как ты. А оказывается, мы даже не родные.

– Ты вырастешь и ещё баще меня станешь! – воскликнула Любочка. Она не могла смотреть, как мучается её сестрёнка. И зачем только матушка рассказала ей? Подождала бы, пока она немного повзрослеет. Люба ведь молчала, никому не рассказывала, хоть она и знала всё. Правда, чего греха таить, молчала-то она больше потому, что ей и самой хотелось, чтоб её все считали Беловой. И хотя зеркала говорили ей, что она совсем других кровей, она любила, когда отчим в шутку называл её «Любовь Ивановна», да и она звала его не иначе, как «тятенька». Но самое главное – это родство ещё и приближало её к Василке.

– Любаша, стой! – раздалось сзади, когда они перешли через реку по деревянному мосту.

Девушки остановились. Их догонял Гришка Титов.

– Чего тебе? – сердито ответила Люба.

² Баска́я – красивая, симпатичная.

– Ты, это... ты... – замялся он, – приходи вечером на улошной качуле³ качаться. – Там весело всегда бывает, Петька на гармошке играет, девки частушки поют. А парни как зыбают – прямо страх, как высоко подлетают! Все визжат! Весело! Уже вторую неделю качуля стоит, а ты ни разу не была. Приходи, а?

Любушка пожала плечами:

– А я и в своём дворе могу покачаться, чего мне там делать?

– Там же веселее! Почитай, вся улица собирается! – уговаривал её кавалер.

– А я тоже хочу туда! – тихонько дёрнула сестру за руку Ася.

– А ты ещё малявка! Тебя вечером мамка не отпустит! – заявил Гришка, сразу смекнув, что ему совсем не с руки, если девица придёт с младшей сестрой.

– Ладно, мы подумаем, – отрезала Любаша и пошла дальше.

– Я ждать буду! – крикнул парень им вслед.

– Любочка, а он твой ухажёр? – спросила Ася.

– Ещё чего!

– А чего тогда он тебя зовёт на улошную?

– Не знаю.

– А тятенька говорил, он к тебе свататься хочет.

– Мало ли что он говорил!

– Любочка, а если тебя просватают, то ты от нас уйдёшь в другую семью?

– Чего это ты, никуда я не собираюсь уходить!

– Не уходи, Любочка, мне без тебя тоскливо будет.

Любаша обняла сестрёнку:

– Глупенькая ты моя! Куда ж я от тебя уйду?

³ Улошная качуля – качели, которые на второй день Пасхи артельно устанавливали в конце улицы для жителей всего околотка.

Глава 3

Анфиса закончила сеять репу и присела отдохнуть на скамейку под цветущей черёмухой. Дурманивший запах поманил её в прошлое. Вспомнилось вдруг, как когда-то сживала она тут с дочерьми, как они книжки вслух читали, из Екатеринбург привезённые. До чего же давно-то это было! Тогда ещё и Луша жива была, тоже к ним подсаживалась с рукоделием да и слушала. Эх, бежит времечко! Уже и здоровье не то. Раньше, бывало, много чего за день успевала переделать, а теперь вот чуток внаклонку поработала, и голова опять кружится. И отдохнуть уже хочется. Но сама-то она ещё ничего, а вот Проша сдаёт, и это видно. Давно ли девок замуж выдавали, он ещё совсем крепкий был мужик, а вот, поди ж ты, слабеет на глазах. Может, ещё из-за того, что не у дел остался. Как чугунок-то эту построили, так и постоянный двор не особо нужен стал. Мало кто теперь на подводах-то ездит, все по железной дороге норовят. Ждали эту дорогу, ждали, думали, с дочерьми чаще видеться будут, а о том, что она по ним вот так ударит, и не предполагали. Невелик теперь доход с постоянного-то двора. Разве что редкие путники заедут или гуртовщики со стадом иногда остановятся.

Да ладно, они с Прохором уже своё доживают, немного им надо. А вот Ивану как быть? Ну, шорничает он, как и прежде, да только невелик доход с этого. Можно, конечно, Василия попросить, чтоб он в завод его пристроил. Да только захочет ли сам-то Иван? Не те уже годы, чтоб с подмастерьев начинать. А семья у него немалая – четверо ребятишек, всех одеть-обуть да накормить надо. Любушку, того и гляди, просватают. Приданое готовить пора, тоже деньги немалые, одной мануфактуры сколько закупить придётся. Конечно, Тюше родители наследство оставили, и это хорошо, небедные они люди были. А ведь наследство-то и профукать недолго, коли без постоянного дохода остаться. Анфиса, знамо дело, при необходимости поможет сыну. Есть у неё спасение на самый крайний случай, но она о том молчит. После смерти деда Степана прибрала невестка золотой слиточек, который он долгие годы в старом берестяном туеске с крупой хранил. Теперь она его сберегает. Но о том никто не знает. Кроме Прохора, конечно.

А вот за младшего сына мать спокойна. Крепко Василко на ноги встал, и с Лизаветой всё у них в порядке, в ладу меж собой живут. Жена-то, похоже, опять на сносях. Значит, у Василия семья скоро прибавится. Это замечательно, так и должно быть. И зарабатывает он справно. Хорошо, что выучили парня, на ноги поставили. Дом у него богатый, тут уж дед Денисьев постарался. Прислугу в прошлом году наняли, Матрёну. Точнее, не сами наняли, а Иван Филимонович прислал из Петербурга. Чем-то она его молодой жене не угодила, вот та и решила её выгнать. А пойти-то бедной некуда, она в ноги хозяину и бросилась. А он, человек добрый, пожалел бедняжку. А как не пожалеть, коли он ещё мать Матрёнину знал, крепостной она была у его отца, верой и правдой служила. Вот и отправил дед служанку к своему внуку, сам и жалование ей платит. А она у них и за кухарку, и за горничную. Своя-то жизнь не задалась, жених её накануне свадьбы сгинул. То ли от невесты сбежал, то ли в беду какую угодил – никому неведомо, только осталась Матрёна старой девой – ни дома, ни мужа. А кто её теперь возьмёт? Третий десяток уже на исходе. Перестарок. Ну, разве что вдовец какой встретится.

За дочерей тоже сердце болит у Анфисы, далеко от родительского дома уехали, редко навещают. Но, слава Богу, всё у них в порядке. Нюра – настоящая барыня. Повезло ей с мужем. И детки у них славные, образованные. Когда приезжают в гости, так видно, что и манерам обучены, и в строгости воспитаны, хотя и в большой любви при этом. Не чета другим-то внукам. Особенно старшенькие – Варенька с Ванечкой. Им уже по девять лет, десятый идёт. Учителя нанятые на дом приходят, языку французскому их обучают, танцам да музыке. Павел Иванович денег на учителей не жалеет, хочет, чтоб дети его получили всё, что сам он в детстве имел.

И Ньюру он хвалит, повезло, говорит, ему с женой. Благодарит их с Прохором постоянно, что дочь хорошую воспитали. А кому ж не приятно такое слышать-то!? Внучка Фисонька – просто ангелочек с картинки! Уж такая баловница! Пять годочков уже исполнилось ей. Анфиса Павловна! Так её Прохор порой называет. А уж как он маленького Прошу любит! Трёхлетний внучок, в честь деда названный, – особая его привязанность. Как в гости приедут, тот с дедовых колен не слазит, всё по бороде его поглаживает да в щёку целует. Вот ведь забавный какой!

Лицо Анфисы посветлело, как о внуках вспомнила. В них теперь вся жизнь. А как же иначе-то? Вот скоро опять изба огласится детскими голосами. Маруся письмо прислала, что погостить приедет с детками. Они у неё погодки все: Тимоша, Никита и Нюрочка. Из Маруси тоже заботливая мать вышла. Вроде, и с мужем ладно живут. Егор дом новый купил. Большой, в два этажа. Вот ведь тоже старается мужик ради семьи! Всё делает, чтоб жена ни в чём не нуждалась, да, не дай Бог, не пожалела вдруг, что от Сана ушла. А о чём тут жалеть-то? Правильно и сделала! Егор-то ей больше подходит. Теперь он хочет в новом доме ремонт большой учинить, прежде чем в него вселяться, а семью на лето сюда отправляет, чтоб вернулись они потом в новые хоромы. Молодец мужик! Знает своё дело. И Анфисе повеселей будет с дочкой-то да с внуками. Она снова вдохнула черёмуховый аромат, невольно залюбовалась свежей зеленью листочков. По весне всегда так – не надышаться, не наглядеться. А травка-то на меже какая! Что ковёр мягкий стелется. Хорошо! Но сколько не сиди, а дела сами не делаются. Отдохнула и будет. Надо работать.

К вечеру двор наполнился коровьим мычанием и гулом колокольчиков. Гуртовщики пригнали дюжины две коров да бычков. Пришлось выдаивать стадо. Этим молоком мужики предложили расплатиться за постой. Анфиса, Тюша и Любаша весь вечер до боли в пальцах доили коров и разливали молоко по большим глиняным корчагам⁴, крынок уже просто не хватило. Несколько из них сразу отставили в сторонку на ссядку⁵, чтоб наварить потом свежего творожка. Из другой части будет взбито масло. Эх, много работы предстоит впереди бабам – долго придётся им бить деревянными мутовками⁶, пока маслице взобьют. Побоят потом рученьки. Анфиса уже прикинула, не нанять ли кого на пару деньков, а то самим-то, поди, и не справиться будет, да и сила в руках уже не та. Может, Лизавета придёт помочь, и служанку их тоже можно привлечь, всё равно ведь на всех масло-то делать будут. Нет, Лизавету трогать не стоит, на сносках она, пусть побережётся, а вот Матрёна могла бы прийти. Надо будет завтра Любашу к ним отправить, а лучше Стёпку с записочкой. Он парнишка проворный, мигом сбегает. С этими мыслями Анфиса убирала после ужина со стола, когда в избу вошёл Иван. Прохор в это время ещё сидел за столом, наблюдая за ловкими движениями жены и отдыхая после трудового дня

– Дело у меня к тебе, батя, обсудить бы надо, – сказал сын, садясь на лавку.

– Ну, говори, какое дело, – Прохор приготовился слушать.

– Да вот, думаю, не заняться ли нам торговлей. Мы вместе могли бы открыть мясную лавку. Гуртовщики-то эти постоянно стада через нас гоняют. Может, стоит нам с ними сговориться. Будем скот у них покупать на убой и торговать мясом. Всё равно от постоянного двора толку уже никакого, пора чего-то придумывать.

– Ты, конечно, дело говоришь, Иван, только надо всё обмозговать. Мясо – продукт ненадёжный, его хранить как-то надобно. Опять же, помещение под лавку нужно.

– Я всё придумал! Лавку можно сделать прямо при доме. Отгородим часть возницкой, которая на улицу выходит, вместо окна сделаем там широкий прилавок со ставнями, чтоб сна-

⁴ Корчага – глиняный сосуд больших размеров.

⁵ Поставить на ссядку – оставить молоко сквашиваться, то есть, оседать.

⁶ Мутовка – приспособление для взбивания в виде палки с коротко срезанными на одном конце разветвлениями нескольких сучков.

ружи запирались. Тут и будем торговать. А в базарные дни можно на рынок выезжать. Ледник наш увеличим, а лучше второй сделаем. Летом яму заготовим, а там, глядишь, и пойдёт дело-то.

– Надо покумекать, прикинуть, что к чему, – не спешил соглашаться Прохор.

– Ну, давай хотя бы попробуем. Купим сейчас у них голов пять и будем их забивать поочерёдно. Своё-то мясо у всех уже кончается, впереди лето. Понемногу-то, я думаю, будут брать. Поначалу соседям предложим, а там поглядим, как пойдёт.

Анфиса понимала, что сын дело говорит, но не встревала в разговор мужиков, пусть сами решают. А перед сном, как всегда, завела с мужем разговор.

– Ну, и как ты смотришь на Иванову затею? – осторожно обратилась она к Прохору.

– Затея-то неплохая, только тут всё надо взвесить, чтоб не прогореть.

– А с чего мы прогорим-то? Иван верно говорит, начинать надо осторожно, помаленьку, а там уж как Господь распорядится. В конце концов, то, что не продается, мы и сами подъедать будем, скоро Маруся с ребятишками приедут, ртов в доме добавится.

– А куда ж мы их поселим? В горницу?

– Можно в горницу, а можно и сюда. Ребятня-то любит на полатах спать, им тут интереснее будет.

– И нам веселей, – улыбнулся Прохор.

Наутро Анфиса отправила Стёпушку к Елизавете с запиской, в которой просила послать к ним в помощь Матрёну. Сами же они с Тюшей и Любашей снимали с корчаг сливки для взбивания. Вскоре босоногий гонец вернулся и выпалил, что там беда с Лизаветой приключилась. Отравилась она чем-то, рвёт несчастную второй день, позвали Семёновну, та её настоями отпаивает. Фельдшер приходил, велел в город её везти, в больницу, а та из дома уезжать ни в какую не хочет, говорит, что дома ей легче помирать будет. Анфиса тут же велела Прохору запрягать лошадь да свезти её к больной. Она повязала на голову платок, накинула кацавейку и вышла из избы, прихватив с собой сушёной ромашки, мяты да укропа. Тюша строго посмотрела на дочь.

– Твоя работа? – сурово спросила она.

– Да что ты, матушка! Разве ж я могла?! – испуганно отвечала Любушка.

– А что ты мне давеча говорила? Не ты ли поминала, что Лизавета и отравиться может?!

– Да мало ли, что я могла говорить! Сказать – не сделать!

Тюша недоверчиво покачала головой.

– Ей Богу, маменька! Я тут ни при чём! Не желала я ей смерти! Не травила я её! – оправдывалась Любаша, уливаясь слезами.

– Ох, не верю я тебе, девка!

Любушка вздёрнула плечом и стремительно выбежала из избы.

Анфиса с Прохором вернулись только к вечеру. Они рассказали, что Лизавета вчера ела какую-то рыбу, которую Матрёна купила у заезжего торговца. Он, дескать, по домам ходил да торговал. Уж очень он рыбину эту нахваливал. Вот Матрёна и запекла её на углях в вольной печи. Аромат стоял невероятный. Лизавету так соблазнил запах рыбы, что она отведала её, не дождавшись мужа с работы. А он-то к рыбе уже и не притронулся. Не до того было. Как Лизаньке плохо-то стало, он от неё ни на шаг не отходил. Потом Матрёна выкинула эту рыбу от греха подальше, решив, что хозяйка ею и отравилась, а то, неровён час, ещё и барину плохо станет или Филюшке маленькому. А ещё Анфиса сказала Тюше, что Лизавету так рвало, так наизнанку выворачивало, что и ребёночка она лишилась. Хорошо, что Семёновна рядом была, быстренько сообразила, что делать надо. Теперь вот снадобьями лечит бедняжку. Лежит она сейчас бледнёхонька, вся в испарине, краше в гроб кладут. Ещё неизвестно, выживет ли. Прохор переживает, что Фёдору скажет, как в глаза глядеть станет, не уберегли его дочери. И Василко до смерти перепуган, уж больно он жену-то свою любит. Помнит он, как Иван Луке-

рю хоронил да как убивался потом по ней, и страшно ему оттого, что с ним та же беда случиться может.

Всю ночь потом Анфиса стояла на коленях перед образами, творя молитву. Она истово просила Господа о здравии своей невестки.

Неспокойно было и в избе Ивана. Засыпая, Любушка слышала, как матушка с тятенькой о чём-то долго шептались.

Глава 4

Утром Тюша сказала ещё сонной дочери:

- Собирайся, поедешь в Лаю!
- Зачем это? – с недоумением вскинула брови Любаша.
- От греха подальше! Поживёшь пока там, у коконьки⁷.
- Из дома, значит, гонишь? – дерзко спросила вмиг проснувшаяся дочь.
- Не гоню, а спасаю! – молвила Тюша.
- От кого? – сверкнула очами Любочка.
- От тебя самой! – горько проговорила матушка.

Коконькой все называли тётку Пелагею, которая доводилась младшей сестрой покойной бабушке Наталье и была крёстной матерью своим племянникам Луше и Тюше. Потому они и звали её коконькой, да и не только они. Как-то так уж получилось, что прилепилось к ней это имечко. Жила Пелагея одиноко, деток Бог прибрал ещё в младенчестве, а муж помер, надорвавшись на тяжёлой работе. Вот она и вековала одна. Раньше, бывало, Пелагея частенько навещала сестру свою, обычно по большим праздникам. Всегда приезжала с подарками да гостинцами, но при этом была строга лицом и даже сурова. Любушка её побаивалась. Всего лишь раз гостила она у коконьки: пару лет назад они с матушкой навещали старуху в Троицу. И сейчас Любушке было немного боязно – как же встретит её престарелая тётушка?

Люба молча собрала узелок с вещами и вышла на крыльцо. Майский ветерок запутался в её непослушных кудрях, выдёргивая их из косы. Она повязала платок и оглядела подворье. Всё здесь было до боли родным: и столб для привязи лошадей, и ларь с овсом, и короб с сеном, возле которого стоят пять купленных на убой коров. Решился-таки тятенька начать новое дело, сторговался с гуртовщиками ещё вчера, пока Анфиса с Прохором у Василия были. Любаша бросила последний взгляд на высокое крыльцо дедовой избы. Вернётся ли она сюда ещё? После вчерашних событий груз вины давил ей на сердце. Она, конечно, не травила Василкову жену, но ведь желала же ей смерти прежде, хотела ведь, чтоб давний дружочек ей, наконец, достался. Вот и услышал её Господь. Наверное, и впрямь надо ей уехать, хотя бы для того, чтоб покаяться и всё забыть, чтоб вытравить из сердца Василку. И пусть поправится его Лизавета, пусть живёт со своим мужем. Права матушка – у них своя жизнь, а у Любаши – своя. Но как же не хочется с этим мириться! Вот ведь учинили ей наказание!

Постояв ещё немного, девица стала спускаться по ступеням. Вышла из избы Тюша и обняла дочку за плечи. Так, в обнимку, они и пошли со двора.

- Любаша! Не уезжай! – раздалось вдруг позади.

На крылечко выскочила босая Асенька и протянула к сестре руки. Люба вернулась, обняла малышку, погладила её по голове и, едва сдерживая слёзы, вымолвила:

- Не могу, сестрица, не по своей воле я еду. Ты не кручинься так и помни, что я тоже по тебе тоскую.

Она поцеловала Асю в каждую щёку, развернула её и подтолкнула к двери, а сама пошла к матери.

Запряжённый в телегу молодой конь Ветерок уже ждал девицу на улице. Любушка уложила свою котомку, уселась поудобнее и увидела, что в воротах появились дед Прохор с бабкой Анфисой. Они с недоумением смотрели на всех, но ничего не спрашивали. Девица подняла руку и несмело помахала им на прощанье. Иван крикнул:

- К вечеру вернись! – и натянул поводья.

⁷ Кóконька – (образовано от кóка), кока – (диал.), так на Урале называли крёстную мать или крёстного отца.

Конь тряхнул гривой, телега медленно тронулась с места. Когда выехали за посёлок и миновали речку, Любушке вдруг стало так тоскливо, что слёзы сами потекли по щекам. Что же ждёт-то её впереди? Начинается новая жизнь, и она будет совсем иной, чем прежняя. Только какой? Неужели опять ей предстоит, как в детстве, скитаться по миру? Но тогда рядом была матушка. А как же она одна-то теперь? И ощущение безысходности, незащищённости совсем придавило Любушку.

– Чего пригорюнилась? – обратился к падчерице Иван.

– А чему радоваться-то? – незлобно огрызнулась та.

– Свободе! Ты ж теперь без родительского догляду жить станешь, вот и радуйся этому!

– Коконька мне там такой догляд учинит, что тут же и сбежать захочется.

– А ты блюди себя, чтоб тётка Пелагея довольна тобой была. По дому помогай, да и в огороде сейчас работы много, самая пора. Так что, не ленись! Чтоб слова худого не могла она про тебя сказать.

Любушка помолчала. Едва ли она сможет угодить вредной тётке, хоть и будет стараться.

– Я скажу коконьке, что Тюша тебя в помощь ей отправила. А на матушку ты не сердчай! Не со зла она тебя отсылает, хочет, как лучше, сама знаешь. Вот дома всё успокоится, я и приеду за тобой.

Любушка молча кивнула.

– Не кручинься, недолго тебе в изгнании быть, – улыбнулся Иван.

– А ты, тятенька, тоже не веришь, что я ни в чём не виновата?

– Верю я тебе, верю! – утешил он строптивую падчерицу, хотя ответ этот был очень сомнителен.

Любушка вздохнула. Так она и ехала, погружённая в свои невесёлые думы.

Наконец взорам путников открылось село. Оно состояло из двух частей, находящихся на расстоянии чуть более версты друг от друга. Тётушка Пелагея жила на берегу Нижнего пруда при Нижнелайском железоделательном заводе, где построено было несколько десятков домов, расположенных немного в стороне от плотины. Поодаль, возле Верхнего пруда, где стоял другой завод, дворов было поменьше. Избушка коконьки стояла особняком, слегка наклонившись набок. Было видно, что ей не хватает мужицких рук. Хозяйка вышла за ворота встретить гостей. Это была сухонькая старушка в платке, повязанном на лоб по самые глаза. Взгляд их был тускл и невыразителен. Строго поджатые губы под заострившимся носом нехотя разлепились, когда старуха стала приветствовать гостей. Не выказав большой радости, коконька пригласила их в избу. Лишь когда Иван выложил на стол привезённые с собой продукты: бутылочку конопляного масла, голову сахара, миску свежего творожка да кусок солонины – лицо хозяйки изобразило подобие улыбки. В довершение всего он вынул синий кубовый⁸ платок и вручил его тётушке. Щуря свои подслеповатые глаза, она потрогала ткань, помяла её в руках и, судя по всему, осталась довольна подарком.

До вечера Иван оставался у коконьки. Он подправил ей повалившееся прясло⁹, заново повесил калитку, почти сорванную с петель, подлатал полусгнивший сарай, который был больше похож на грудку старых досок, чем на дворовую постройку. Уезжая, он наказывал Любочке не перечить тётушке. Оставшись одна, девица пригорюнилась.

– И пошто тебя сюда сослали-то? – спросила вдруг старуха, нарушив молчание.

– В помощь тебе, коконька, – смущённо проговорила Люба.

– Я, конечно, старая, – молвила та, – но вовсе не дура. Понятно, что тут какой-то добрый молодец замешан. Али недобрый. А за что ещё могут девку из дому спровадить? Матушка-то

⁸ Кубовый платок – платок из ткани с набивным рисунком (старинная технология кубовой набойки).

⁹ Прясло – изгородь из жердей

твоя и сама в твои годы хорошо почудила. А теперь вот тебя строжит. Ну, раз строжит, значит, так надобно. Ей виднее.

Любушка молчала. А что она могла сказать?

Так началась её жизнь в изгнании. Она старалась помогать тётушке во всём, чтоб, не дай Бог, не осрамить своей матери. Днём работала на огороде, носила воду, мыла да подметала, а вечером старуха доставала куделю¹⁰ и усаживала Любушку с веретеном на лавку, а сама устраивалась рядышком и теребила овечью шерсть. Поначалу девица побаивалась суровой старухи, но со временем поняла, что это всего лишь вид у неё такой, а душа-то добрая, только она почему-то скрывается за напускной строгостью. Иногда бабка заводила неспешные разговоры, из которых Люба узнала кое-что про свою родню.

Если верить семейным преданиям, то предки Пелагеи и бабушки Натальи были переселенцами из Черниговской губернии, вывезенными сюда ещё Акинфием Демидовым, который и построил тут железоделательный завод. Так они при этом заводе и жили, одно поколение за другим. А дедушка Савелий, будучи ещё довольно молодым, по каким-то делам на завод приезжал, тут он и встретил судьбу свою, да вскорости посватался, а потом и вовсе увёз Наталью с собой. Сильно Пелагея тосковала по сестрице. Очень уж дружны они были. А потом батюшка и Пелагею замуж выдал, не спрося её согласия. Только накануне свадьбы она впервой своего жениха и увидела. Такое порой бывало – родители сговорятся промеж собой, а от молодых пока в секрете держат. Пелагее повезло меньше, чем сестре Наталье. Муж её, Никифор, был крут на расправу. Работал молотобойцем в заводе, уставал сильно, а потому часто принимал с устатку и поколачивал жену. Так что, когда он помер, надорвавшись на работе, Пелагея не сильно и горевала. Жаль только, что детки у неё не выжили, ни один из пяти рождённых за все годы жизни с мужем. За это она часто попреки от своей свекровушки выслушивала. А разве ж она виновата в том? Так Господу было угодно. Вскоре после смерти мужа свекровь слегла, уж больно она по сыночку-то младшему убивалась. Пришлось невестке её допокаивать. А уж как та вслед за сыном отправилась, так Пелагея одна и осталась в этом доме. По праздникам сестрицу навещала. А племянниц, Лушеньку да Тюшеньку, крестниц своих, она очень любила и частенько брала их к себе погостить, чтоб не сильно одиноко ей было. Бор тут сосновый недалеко стоит, так они туда часто за грибами да ягодами ходили все вместе. Девчонки бегают меж сосен, аукаются, только сарафаны мелькают, и Пелагея веселится с ними вместе. Ой, как же давно-то это было! Так вот жизнь и прошла, а смерть всё не приходит.

Любушка слушала старуху и никак не могла представить её молодой. Казалось, она такой и была всегда. И всегда жила в этой покосившейся избе. После рассказов тётушки Люба ещё сильнее тосковала по своему дому, по семье. Перед сном, закрыв глаза, девица представляла, как спят на полатах Стёпка с маленьким Сашей, как Ася заботливо укрывает братьев. Виделся большой двор и спешащая с ведром бабушка Анфиса. Вот она ставит пойло одной корове, потом другой. Вот дедушка Прохор с метлой возле короба, подметает насыпавшуюся с сена труху. Тятенька чинит борону, готовясь к пахоте, а матушка выносит ему кружку холодного кваса. А вот Василко, тряхнув кудрями, спускается с крыльца. Как-то он там? И что с Лизаветой? Жива ли? Неведение только усиливало тоску, и жизнь казалась Любаше ужасно несправедливой.

Однажды на заре она шла по тропинке с пруда. На плечах – коромысло с вёдрами, а в них – чистая водица. Шла осторожно, стараясь не расплескать. Вдруг навстречу ей появился какой-то парень. Видимо, он не ожидал увидеть тут незнакомую девку и на мгновение замер.

– Может, отойдёшь в сторонку, пока воду на тебя не расплескала? – со смешком сказала Любаша.

¹⁰ Кудёля – (просторечное, от кудель) – волокно или шерсть, приготовленные для прядения.

Парень посторонился, но так и остался стоять как вкопанный. Она окинула его взглядом и прошла мимо, веселясь в душе. Нередко парни вот так замирали при виде Любочки, и она к этому уже привыкла. Она не знала, почему её облик так завораживал тех, кто видел её впервые. Вроде, лицо как лицо. Ну, красивое, конечно, так мало ли красивых лиц кругом! Но ведь не каждое способно так действовать на людей. А в Любином была своя изюминка, как говаривал, бывало, тятенька. Потому Любушка и не желала ходить на всякие там посиделки да гулянья, тяготили её эти пристальные взгляды. Да и парни ей были неинтересны. Разве ж могли они тягаться с Василком, которому навеки было отдано девичье сердечко?

Войдя в избу, она аккуратно перелила воду в кадку и, когда движение воды утихло, засмотрелась на своё отражение. Что же так подействовало на парня? Её смуглая кожа? Или жгучий взгляд её чёрных глаз? А может непослушные локоны, постоянно выбивающиеся из-под платка?

– Иди к столу, Любаня, шаньги подспели, – позвала от печи Пелагея, прервав её размышления.

И девица задорно улыбнулась своему отражению. Пожалуй, впервые за всё это время.

Глава 5

Назавтра, когда Любушка шла с пруда с водой, тот парень опять стоял на тропинке. Проходя мимо, она успела разглядеть его лицо с крупными конопатинами на носу и забавной рыжей чёлкой. Длинные волосы почти касались плеч. На этот раз он сам посторонился, а потом молча пошёл следом. Девушка улыбнулась, вскинула голову и горделиво зашагала впереди него. А он проводил её до самой избы и ушёл. На следующее утро было то же самое.

– А пошто этот кержак¹¹ за тобой по пятам ходит? – спросила её Пелагея, как только Любушка переступила порог.

– А я почём знаю? – весело откликнулась та, выливая воду в кадку. – Ходит и ходит. Я его не зову.

– В женихи, видать, набивается, – сделала вывод старуха. – Странно. Она ведь только со своими роднятся. Зря ходит, родители узнают – греха не оберётся.

– А он, что, в самом деле, кержак? – удивилась Люба.

– А кто ж ещё?! Из Казанцевых он, по обличью вижу, а оне кержаки и есть. Пятистенки со ставнями в конце улицы стоит, там и живут. А живут-то как чудно! Без молитвы шагу не сделают, всё со словом божьим, а в церкву не ходят, собираются в избах да поют. Старой веры держатся. Живут закрыто, в свою избу чужих впускать не любят, из чужой посуды никогда не пьют, не едят. Много их тут таких. Но люди работящие, ничего не скажу. Во всём порядок у них. На наших никогда не женятся, если только в свою веру не обратят. Так что, девушка, не заглядывайся ты на него, не к добру это.

– А я и не заглядываюсь, он сам за мной ходит, – с вызовом ответила Любаша.

Вечером она вышла в огород и по другую сторону прясла опять увидела того же парня. Он стоял, облокотясь на верхнюю жердь, словно кого-то поджидал. Да тут и гадать не надо, понятно, кого он ждёт. Любаше вдруг стало весело, и она направилась к молчаливому ухажёру.

– Зотей! Ты чего там палишься? – раздалось вдруг, и девушка увидела приближавшегося к парню крепкого старика с окладистой седой бородой. Она невольно остановилась, разглядывая незнакомца. На нём был надет кафтан, из-под которого виднелась синяя косоворотка, подпоясанная сверху, штаны заправлены в сапоги, а на голове – картуз.

– А ну-ка, ступай домой! – продолжал старик, обращаясь к парню. – Чего ты тут потерял? Только цыганок нам и не хватало!

Парень бросил последний взгляд на Любу, нехотя развернулся и пошёл к деду, а тот обратился к девушке:

– Ехала бы ты, милая, отсюда подобра-поздорову, – он перекрестился. – От греха подальше.

– А я не к вам приехала! – сверкнула глазами Любаша. – Придёт пора, и уеду! И нечего меня гнать!

Она понимала, что негоже так разговаривать со старшими, но всё в ней в этот момент бунтовало. Не понравилось ему, что она цыганка! И что теперь? Не человек она, что ли? Да и цыганкой она себя никогда не считала.

Наутро Зотей опять стоял на тропинке и ждал Любушку.

– Доброго здоровья! – проговорил он негромко, когда девушка поравнялась с ним.

Любаша молча кивнула головой

– Давай, я помогу тебе, – снова обратился он к Любушке.

– Сама управлюсь!

¹¹ Кержак – так называли старообрядцев (по названию реки Керженец в Нижегородской губернии, откуда они бежали на Урал и в Сибирь).

– Ты не сердчай за вчерашнее... ну... за деда, – начал, было, он, но тут впереди опять появился всё тот же старик. Он сурово глянул на парочку, махнул ладонью, как бы зазывая парня шагать за ним, развернулся и пошёл. Зотей кивнул Любушке и отправился следом.

С той поры он больше не появлялся. Заперли, видать, парня.

Уже неделю прожила Любаша у коконьки, а тятенька за ней всё не ехал. Она скучала по дому, по матушке, по сестрице с братьями, по своей привычной жизни. Как-то все они там? Поправилась ли Лизавета? А вдруг померла? Может, потому и не едут за Любушкой, что все её виноваты? А если и Василко так думает? Но она ведь ему своих чувств не показывала. Не мог он догадаться ни о чём. А если её никогда отсюда не заберут? Просто избавились и забыли. Но так ведь не может быть! Эти мысли не давали девице покоя.

Иногда, в свободную минуточку, уходила она в сосновый бор и гуляла там, вспоминая о своём доме и близких людях. Вот и сегодня вышла Любаша на прогулку, испросив позволения у тётушки Пелагеи. Ещё издали залюбовалась девица приятной картинкой: тонкие стволы сосен, устремлённые ввысь, были освещены играющим на них закатным солнышком и оттого стали похожи на свечи. Свежая зелень у их подножия радовала глаз и манила к себе. Ступая по мягкому мху, вошла Любаша под сень деревьев и полной грудью вдохнула целебный воздух, пропитанный непередаваемым запахом буйно растущих тут трав, перемешанным с крепким настоем прелой коры, хвои и лесного мха. Здесь всегда хорошо дышалось и думалось.

Девушка неспешно брела меж деревьев, прислушиваясь к птичьему гомону. Вдруг сзади хрустнула ветка. От неожиданности Люба вздрогнула и обернулась – перед ней стоял Зотей. Он смотрел на девицу и улыбался.

– Шёл бы ты, парень, отсюда подобра-поздорову, – нахмурилась Любаша, – не гневил бы свою семью.

– А если я так прикипел к тебе, что и с семьёй порвать готов? – отвечал он неожиданно бойко.

– Ой, ли? А меня ты спросил?

От такого вопроса парень даже растерялся. Он и не подумал об этом. Женщина всегда воле мужчины подчиняется – так в его семье устроено. Младшие слушаются старших, а бабы – мужиков. И если он выбрал Любушку, то считал, что это его выбор, а ей следует просто покориться. Да и она не гнала его прежде, потому он и не ожидал теперь отпора.

– Но ты ведь свободна, значит, можешь стать моей.

– А если мне кто другой люб?

Зотей нахмурился. Не нравился ему такой разговор.

Любушке этот разговор тоже был не по душе. Она решительно повернулась и направилась к деревне. Зотей за ней следом. Девица прибавила шагу, и он отстал. Вот уже и коконькина избушка. Вдруг из ворот, навстречу Любе, вышел Зотеев дед. Он сурово глянул на девицу и сказал:

– Не смей мне парня с пути истинного сбивать!

– А вы его на цепь посадите, чтоб не убегал! – огрызнулась Любаша.

Старик аж поперхнулся от такой дерзости, но промолчал, только рукой махнул и пошагал восвояси.

Пелагея встретила её хмурым взглядом:

– Видела, кержак-от этот приходил?

– Видела. Чего ему надо?

– Внука потерял. Требуется, чтоб ты его в покое оставила.

– А я требую, чтобы они все меня оставили в покое! – возмутилась Любаша.

– Я так ему и сказала! Мы, мол, с внучкой живём, никого не трогаем, вот и они пусть нас не беспокоят!

Любушка даже опешила от неожиданности. Пелагея впервые назвала её внучкой! А и, правда, кто она ей? Внучатая племянница. Так это та же внучка и есть. Но из уст старухи это прозвучало как-то по-особому тепло, и девица с благодарностью посмотрела на неё.

– Садись, вечерять будем, я завариху¹² сготовила, – сказала бабка, ставя на стол деревянные миски. Она выложила в них белое месиво и, сделав на каждой горке ямку, налила туда конопляного масла.

– Ой, как вкусно, бабуль! – мечтательно проговорила Любаша, усаживаясь на лавку.

Теперь уже Пелагея поглядела на неё с удивлением и довольно улыбнулась. Быть Любушкиной бабулей ей явно нравилось. То ли по этой причине, то ли ещё по какой, коконька поставила перед собой стопочку клюквенной наливки.

– Тебе не предлагаю! – сказала она. – Мала ишшо!

Любушка с улыбкой кивнула.

Потом они вместе сидели на завалинке, щурясь от солнышка, которое, уже скатившись наполовину за лес, ещё светило им в глаза.

– Вон там, видишь, на три окошка изба возле берёзы? – показала Пелагея. – В ней я выросла. И бабушка твоя, Наталья.

Любушка посмотрела по направлению коконькиной руки и поинтересовалась:

– А сейчас там кто живёт?

– Когда матушка наша померла, царствие ей небесное, тятенька на вдове Курочкиной женился. А потом изба эта её сыну Матвею и досталась. Он там теперь живёт. А берёзу эту тятенька из лесу принёс совсем махоньким деревцем, с той поры и растёт тут. Я, ещё девкой, бывало, возле неё на скамеечке сживала. Там меня Николаша Сивков и приметил. Однажды подсел рядышком. Поговорил со мной. Наши-то все на покосе были, а меня оставили за скотиной смотреть. Наташу, сестрицу мою, уже замуж выдали к той поре, и Савелий увёз её в свой завод. Ой, как тоскливо мне без неё было! А тут Николаша, сокол ясный, и явился. Жить сразу как-то радостнее стало.

Любаша с интересом смотрела на коконьку. Лицо её посветлело от приятных воспоминаний, в уголках глаз застыли две маленькие капельки. Впервые она заговорила о том сокровенном, что держала в себе годами. То ли наливочка была тому причиной, то ли просто потянуло старуху на воспоминания, но Любаша была рада этому и с удовольствием слушала.

– Сколько же мне тогда годов-то было? Поди-ко, как тебе сейчас. С той поры стал меня Николаша выделять из других-то девок. Утром выйду, бывало, а на лавке той цветочек лежит, то ромашка, то василёк. Радовалась я. Но никому не сказывала. Тятенька-то наш крут был на расправу. Если чего не по нём – мигом вожжами отхлещет. Вот мы с Николашей и хоронились ото всех. Лето-то мигом пролетело. А я уж и размечталась, что соколик мой сватов ко мне осенью зашлёт, да и выдаст меня тятенька за него. А у тятеньки-то свои виды на меня были. Только жатву закончили, тут он мне и сказал, что я уже просватана и скоро свадьба. А за кого просватана, прежде времени не говорил. Никифор-то мне и вовсе не нравился. Я как узнала, что он мой жених, так всю ноченьку и проревела, и под венец вся опухшая пошла. А оно так и заведено было, чтоб девка перед свадьбой слёзы лила, только не у всех они такими горячими-то были. Не дал мне Господь бабьего счастья, всего чутков и успела я жизни-то порадоваться. Может, детки бы были, так и радость бы в жизни появилась, но Боженька и деток моих всех прибрал, а потом и мужа.

– А что же Николай? – спросила Любаша.

– А что Николай? Женили его тоже. На Курочкиной Марусе.

– Это на той, которая за вашего тятеньку замуж вышла?

¹² Завариха – блюдо, которое готовилось завариванием муки в кипящей воде.

– Нет, на её дочери. А когда батюшка на матери-то Марусиной женился, так мы с Николашей вроде как роднёй стали. Даже в отцовом доме на праздники иногда встречались, за одним столом сидели. Вот как она, жизнь-то, поворачивается. Однажды иду я к батюшке своему по какому-то делу, уже и не помню, а Николаша на скамеечке сидит да и говорит мне:

– Садись, Пелагеюшка, посиди рядышком. Я ведь, как эту скамейку-то увижу, всякий раз тебя и вспоминаю.

Улыбнулась я тогда, да и прошла мимо. Чего уж теперь?! А на душе так тепло вдруг сделалось, словно я туда, в молодость, вернулась.

– А где он теперь? Жив ещё? – поинтересовалась Любушка.

– А вон, вишь, под той самой берёзой старик на скамеечке сидит?

– Вижу. Это он?

– Он! Видать, к шурина пришёл, к братцу Марусиному.

Любушка приникла головой к коконькиному плечу. Тепло ей вдруг стало от этого рассказа. По-новому открылась ей сегодня тётушка Пелагея. И никакая она не суровая. Добрая она. Просто несчастная.

Солнце уже закатилось за лес, и небо над ним окрасилось в розовый цвет.

– Пойдём-ка, девонька в избу, пока нас комары не заели совсем, хватит уже лясы точить, – сказала тётушка, вставая.

Пришлось подниматься и Любаше, а так не хотелось.

Глава 6

Долго вымаливала Анфиса здоровья для своей невестки. Услыхал её Господь, пошла-таки Лизавета на поправку. Настои ли травяные помогли, или организм молодой за жизнь так крепко цеплялся – никому то неведомо. Только пришёл день, когда горемычная на ноги встала да, опираясь на руку мужа, вышла в садик подышать свежим воздухом. Дурманивший аромат цветущей черёмухи напомнил, что весна уже плавно переходит в лето, призывный звон коло-колов возвестил о начале воскресной службы. Всё кругом говорило о жизни.

– Как хорошо-то, Васенька, на волю выбраться, да на небушко синее поглядеть, на травку свеженькую! Я ведь уж, грешным делом, думала, никогда больше этого не увижу, – говорила она, усаживаясь на скамеечку. – Ноги-то совсем не держат меня. Ослабла.

– Ты обязательно поправишься, Лизанька! – Василко едва сдерживал себя, и боль от пережитого, и радость, что жена, наконец, поднялась, слышны были в его голосе.

– Ребёночка-то прибрал всё-таки Господь, наказал меня за что-то, – вымолвила она со слезами.

– А может, он взамен твоей души его забрал, видел, что никак не могу я тебя отпустить.

– Может, и так оно, – согласилась Лизавета.

– Будут у нас ещё детки, не переживай, – пытался муж утешить её.

– Маменька, смотри – маленькое солнышко! – закричал подбежавший Филимоша и протянул матери жёлтый цветок одуванчика.

И родители улыбнулись в умилении, обратив свои взоры на сына.

– Это ты моё солнышко! – сказала Лизавета, обнимая малыша.

«Спасибо тебе, Господи, что не оставил меня в моём горе, – мысленно обратился к Богу Василий. – За исцеление Лизаветино по гроб жизни поклоны класть тебе буду».

После обеда, оставив жену на попечение Матрёны, он отправился в родительский дом. Вчера Маруся со своими детками приехала, а брат до сих пор и не виделся с сестрой. Ещё издали приметил он детвору перед домом. На завалинке, беседуя о чём-то, сидели Ася и Тимоша, а на полянке, оседлав палку, завершавшуюся головой коня, скакал кругами Никита. Позади него, в ожидании своей очереди «поскакать» на лошадке, бегал Стёпка, сын Ивана. Василко узнал свою игрушку, когда-то сделанную для него отцом. Ну, надо же, а он о ней уже и забыл! А ведь тоже любил в детстве всадником себя воображать. Тут из ворот вышла восьмилетняя Нюра и скромно подседа на завалинку к Асе. Рада, наверное, что к сестре приехала, в семье-то у неё только братья, а у тех, знамо дело, свои интересы. Детвора дружно поприветствовала гостя.

– Ну что, кому первому гостинец дать? – обратился дядюшка к племянникам, и его голос утонул в многочисленных возгласах «Мне!»

На эти крики выбежал из двора и маленький Саша с протянутой ручонкой. Только Любаши не хватает в этой компании. Где же она? Обычно девица первая встречает его, а сегодня её не видать. Тут Василко вспомнил, что её отправили на помощь к коконьке, матушка ведь сказывала ему давеча. А он, со своим-то горем, и забыл вовсе.

Маруся встретила брата тёплыми объятьями.

– Какой же ты красавец, братец! – воскликнула она, троекратно целуя Василия в щёки. – Барин, да и только! Ох, и балует тебя дед! Это ж, поди, он тебя по столичной-то моде одевает? Знамо дело! Кому ж ещё-то? Поди-ко, во всём заводе ты единственный таким щёголем ходишь?!

Василий стоял и смущённо улыбался этому потоку сестриных восклицаний.

– Да нет, я обычно в мундире хожу, это так, – начал он смущённо, – ради встречи с тобой вырядился.

– Как там твой Иван Филимоныч поживает? – продолжала Маруся. – Не родила ещё ему молодая-то жена нового наследника? Похоже, ты по-прежнему в любимчиках у него?

Тот в ответ лишь развёл руками, дескать, что он может поделывать? Так оно и есть.

Анфиса пригласила сына к самовару, от которого шёл горячий пар, да начала выпрашивать его о Лизавете и Филе. Порадовалась, что та сегодня уже на ноги поднялась. Это хороший знак. Отступает, значит, болезнь. А, стало быть, и жизнь налаживается.

– Расскажи-ка мне лучше, Маруся, как там Егор поживает? – обратился Василий к сестре. – Как сестрица наша старшая? Стёпка по-прежнему у неё работает?

И гостья начала рассказывать. Похвалилась, что у мужа дела идут хорошо. Знатным мастером он стал, отбою от заказов нет, а потому и времени свободного почти не бывает. Теперь вот пришла пора для себя постараться. Хочет он новым домом её удивить. Уже и рисунки сделал, оградку да ворота кованые мастерить собирается, а ещё скамейку в садик. И в доме перила витые задумал на лестницу поставить. Как это, мол, кузнец да без кованых изделий живёт? Не всё на заказ работать, надо и для семьи постараться. Сейчас там ремонт большой в доме учинил. Двух работников нанял, чтоб всё обустроить. Порадовать Марусю задумал.

У Нюры тоже всё замечательно. Она полностью занята семьёй. С четырьмя-то детками хлопот хватает. Нянек она не очень жалует, всё самой надо. Со старшими гувернантка занимается да ещё какие-то учителя приходят. Скоро их в гимназию отдавать будут, вот и готовят. Павел Иванович насчёт образования строг, хочет, чтоб дети его непременно высот достигли. Уже и маленькую Анфису к наукам приобщать начал. И не только грамоте обучают, а ещё и музыке да танцам. А старшие-то уже по-французски лопочут – такая умора!

Стёпка по-прежнему у них работает. За главного кучера теперь, с тех пор, как Силантыч совсем занемог. Павел Иванович предлагал пристроить парня по горнозаводской части, зря, мол, что ли образование-то ему давал. Но Стёпка отказался, дескать, с конями ему сподручнее. Он как с Глашей своей обвенчался, так Нюра и попросила мужа поселить их во флигеле. Тот не противился, и все довольны, всем хорошо. Глаша-то теперь при Прасковье, на кухне помогает. Правда, помощи от неё не лишку – на сносях уже молодуха, вот-вот разродится. В общем, Степан скоро отцом станет. Так всё и устроилось.

Василий порадовался за дружка своего, которого жизнь с детства не жаловала, пусть хоть теперь у него всё сладится. Знал он, почему Стёпка не уходит из дома Павла Ивановича. Это он так свою благодарность за участие в его судьбе выражает, хочет быть полезным. К тому же, если честно, в училище-то парень не сильно к наукам рвался, не было у него к ним такого интереса, как у Василки. Но Павел Иванович велел учиться – вот он и следовал его воле. И Нюру Стёпка уважает, всё ради неё сделает. Кабы не она, так неизвестно, что бы с ним сейчас было.

А Маруся в это время любовалась братцем своим меньшим. Вот, поди ж ты, росли в одной семье, на одних полатах спали, а и не ведали, что парень-то у них дворянских кровей. Никому и в голову это не приходило. И матушка с батюшкой молчали, тайны своей не выдавали. А уж дед Степан как его любил! И в лес, и на рынок его с собой брал. И корзины плести научил мальчика, тот из дедовой малухи и не вылезал целыми днями, чуть что – уже скорей к деду бежит. Ну, разве могло кому-то в голову прийти, что парень-то у них приёмный? Не появись Иван Филимоныч, так и не раскрылась бы никогда эта тайна. А без него и монашка бы промолчала.

В избу вошла Тюша. Анфиса тут же и её усадила за чай. Маруся исподволь поглядывала на невестку, и, как всегда, видела в ней Лушу. Никак не могла она привыкнуть к такому сходству сестёр. С Лушей-то они сильно подружились перед самой её смертью. И та Марусе нравилась, понятливая она была, мудрая. Легко с ней было. А с Тюшей они общались мало, да и виделись-то всего несколько раз.

– Ну, что ты, золовушка, всё на меня поглядываешь? С Лушей сравниваешь? А стоит ли? Прошлое – в прошлом, а мы живём новым днём, – сказала вдруг Тюша с доброй улыбкой.

И Маруся улыбнулась в ответ – вот так же и Луша когда-то удивляла её своей открытостью и непредсказуемостью. А сёстры-то не только внешне похожи, оказывается!

За окном послышался конский топот и скрип телеги. Подъехал Иван. Тюша выскочила на крыльцо, остальные потянулись за ней, удивлённые такой реакцией.

– Почему ты один, Ванечка? Где дочка? – с тревогой спросила она.

Иван развёл руками:

– Прости, Тюша, не нашёл я её. Решил воротиться – вдруг она уже дома?

– Как не нашёл? Куда она подевалась? Сбежала? А коконька что говорит? – сыпала вопросами Тюша.

Тут вмешалась Анфиса:

– Давайте-ка все в избу, там и поговорим, нечего на ходу беседы разводить.

Все послушно воротились в дом. Последним вошёл Иван. Усевшись на лавку, он, с волнением начал свой рассказ:

– Приехал я к коконьке, а та меня в слезах встречает, мол, Любушка пропала. И поведала, что та вчера ушла в бор погулять, она туда почти каждый вечер ходила, по дому, говорит, сильно тосковала. Но всегда возвращалась засветло, а вчера не вернулась. Я, первым делом, тоже решил, что сбежала девка, не вынесла ссылки. А тётушка Пелагея говорит, что не могла она сбежать. Всё ждала, когда я за ней приеду, по дому скучала, но бежать не собиралась. Смирно ждала. И тётке хорошо помогала. Подружились, говорит, они. Хвалит тётка Любушку. Правильная, говорит, девка у нас. Смелая, порой даже дерзкая, но душевная. А то, что за себя постоять может, это даже и хорошо. Это коконька так сказала. Это, говорит, они её обидели, кержаки проклятые! Стал я пытаться, что за кержаки. Зотей Казанцев, мол, рыжий бес, всё за ней по пятам ходил, покою не давал. А она над ним только посмеивалась. А потом вдруг дед его стал наведываться, требовал оставить парня в покое да грозился, что хуже будет. Вот этот, мол, супостат и сотворил чего-то с Любушкой. Коконька всю ночь глаз не сомкнула, а как рассвело, она к бору и направилась. Платок вот Любушкин там подобрала, – и Иван вынул из-за пазухи белый платок в мелкий синий цветочек.

Тюша схватила его и в голос зарыдала:

– Девонька моя родная, это ж я, дура, тебя сгубила! И зачем только я тебя туда отправила?!

Анфиса подала Тюше стакан воды и спросила Ивана, что же дальше было.

Он глубоко вдохнул и продолжил:

– Пошёл я к этим Казанцевым, злой, как собака. Дед сразу отпираться стал, дескать, не трогал я вашу цыганку. Ну, тут я и взревел! Какая она цыганка!? Дочь она моя! Русская она! Старик струхнул. Видать не думал, что за неё кто-то заступиться может. А когда я сказал, что сейчас же в полицию еду и вернусь сюда с урядником, тот и вовсе испугался. С этими раскольниками у властей разговор короткий, мигом разберутся, да так, что мало не покажется. Стал дед говорить, что ничего он не делал, вера, мол, его не позволяет никакого насилия. Вот в участке, говорю, и будешь про свою веру рассказывать, если сию же минуту дочь мне не вернёшь. Тут выскочил из избы этот рыжий парень да на деда возопил, что тот сам грозился известить девку, если внук её не оставит, что, кроме него, некому было её обидеть. Тут уж дед не на шутку испугался и сознался, что он просто намекнул какому-то мужику, что неплохо бы эту цыганку умыкнуть отсюда. Но сам, мол, ничего не делал. Тогда я его за грудки схватил и стал требовать, чтоб сказал мне, где мужика искать. А мужик-от пришлый, из возчиков, уголь от углежогов возил на завод. Может, тагильский, может, ещё откуда подальше – много их тут подражается. Имени он тоже не знает. Попробуй теперь сыщи его!

Тюша уже рыдала без умолку:

– Девочка моя! Любочка, солнышко моё! Да что же с тобой приключилось-то?! Жива ли ты ещё?! Да как же я сама дочь родимую из дому спровадила на верную погибель? Да что же

теперь будет-то?! Да где ж тебя искать-то, девонька моя? От беды хотела отвести, а сама же беду и накликала!

– От какой беды-то вы её туда отправили? – спросил в недоумении Василий.

– Не слушай ты её, с горя это... не знамо что несёт баба, – ответил Иван, укоризненно глянув на жену. – Просто в помощь девку к коконьке посылали. Кто ж знал, что так получится?

Глава 7

– Чё с девкой-то делать будем, Назар? – сквозь пелену боли донеслось до Любочки.

Она с трудом разомкнула веки, но ничего не увидела. Какая-то грязная тряпица неприятно касалась лица, голова гудела. Судя по толчкам, Люба поняла, что она лежит в телеге, которая быстро катится по ухабам. Пахло конским потом и углем.

– А я почём знаю? – раздался другой голос. – Кто тебя просил по башке-то её бить с такой силой? А ну, как она не оклемается теперь? В тюрьму захотел?

– Ты чё, Назар?! Какая тюрьма? Старик ведь сказал, что её никто не хватится, приезжая она. Ещё и царапучая оказалась, цыганское отродье! На башке мешок, а она царапается! Вон как щёку мне распластала, я со злости и треснул ей хорошенько. Зато всю дорогу лежит да помалкивает, даже кляп не нужен.

Тревога и страх навалились на Любочку, она старалась лежать тихо, не шевелиться. Пусть злодеи думают, что она до сих пор без чувств.

– А где ты видел, Влас, чтобы цыганки в сарафаны рядились? – снова слышался второй голос. – Нееет, не похожа она на бродяжку, обманул нас старик, какой-то у него расчёт был, не иначе.

– А какая нам разница, чего он там удумал, если щедро заплатил? Может, бросить её тут, в лесочке, да и уехать? Пока она очухается, мы уже далеко укатим!

– Молодой ты ишо, Влас, безголовый совсем! Она очухается да и вернётся обратно, а ещё хуже – в полицейский участок заявится. Старика-то потряхнут – он и сдаст нас с потрохами! Нет, надо свезти её подальше от этих мест, чтоб не скоро вернулась. А самое надёжное – чтоб совсем не вернулась.

– Дак она и не вернётся! Пока очухается – её уже и звери задерут. Руки-то связаны! И на голове мешок! Нас она не видела, мы сзади подкрались. Даже если и оклемается, никогда нас не опознает.

– Меня, может, и не опознает, а тебя-то – наверняка! – расхохотался мужчина, чей голос был грубее, он явно принадлежал человеку постарше. – Дивно она тебе морду-то распластала! Меченый ты теперь!

– Тьфу, ты, окаянный! Весело ему! – парень в сердцах плюнул. – А у меня кровища так хлестала, что всю рубаху измарал, не девка, а кошка дикая! Жене-то чё я теперь скажу?

– Вот про кошку и расскажи ей! – снова раздался смех Назара. – А я погляжу, как супружница тебе другую щёку распластат!

Любаша попробовала пошевелить руками, но они были крепко связаны. Она лихорадочно соображала, что же ей теперь делать. Надо как-то спастись. Но как? Судя по голосам, мужиков было двое. Того, что постарше, зовут Назар, а молодого – Влас. Что она может против них, да ещё со связанными руками?

– Может, нам её это... добить? – шёпотом спросил Влас.

– А другой дороги у нас и нет, вот только стемнеет чуток, – сурово ответил Назар, а потом рассмеялся:

– А мы сначала попользуем её, прямо тут, в лесочке, на мягкой травушке! Может, ей понравится, дак ещё и благодарить нас станет!

Мужики дружно загоготали.

Любушка замерла, внутри у неё всё похолодело. Она понимала, что спасти её теперь может только чудо. Молить злодеев о пощаде – бесполезное занятие, этим она их только раззадорит.

Страх сковал её, слёзы полились из глаз. Стало так горько, что она всхлипнула от отчаяния.

– Слыш-ко, никак оживает девка-то наша! – раздался голос Власа.

Любаша замерла.

– Дак сунь ей кляп-от в рот, чтоб не заблажила, не дай Бог, – глухо отозвался Назар.

– Сам и сунь, раз такой умный! А с меня уже довольно!

– Боишься девки? – громко засмеялся мужик. – Дак ты морду-то ей больше не подставляй!

В это время позади послышался звон колокольчика.

– Знать-то едет кто-то! – испуганно сказал Влас. – Не дай Бог, эта дура блажить начнёт!

– А ты там попрдержи её! – строго наказал ему Назар.

Влас наклонился над Любашей, совсем рядом послышалось его дыхание, сквозь мешковину были видны очертания его головы. Он процедил сквозь зубы:

– Лежи тихо, молчи, коли жить хочешь!

Девушка попыталась приподнять голову и застонала от боли.

– Цыц! – злобно прошептал Влас и накрыл ей рот ладонью. Грязная мешковина прижалась к Любиным губам.

Девушка уже уразумела, что ей всё равно не жить, хоть молчи, хоть не молчи. Звон бубенцов всё приближался, и она понимала, что это её единственная надежда на спасение. Она разомкнула сжатые губы и, что есть силы, впилась зубами в палец Власа. Тот взвыл от боли и отдернул руку от её лица. Люба стремительно повернулась на бок в противоположную от мужика сторону, приподнялась всем корпусом и перевалилась за невысокий бортик телеги, почти под ноги приближающейся тройке. Она сильно ударилась плечом и головой, но выбирать не приходилось: либо жизнь, либо ушибы. Уже теряя сознание, Любушка услышала, как Влас заорал:

– Гони!

И телега загромычала, удаляясь.

Очнулась Любаша в повозке. Рядом сидела миловидная дама в широкополой шляпе, из-под которой видны были белокурые локоны. Васильковые глаза её смотрели на девушку с участием.

«Совсем, как у Василки», – подумалось Любушке.

– Очнулась, милая, – проговорила дама приятным голосом. – Ох, и напугала же ты нас с Кузьмой!

Как бы в подтверждение её слов, кучер обернулся и кивнул.

– Мы уж было подумали, что ты убилась, – продолжала дама. – Что же с тобой такое приключилось, бедняжка?

Любаша хотела ей ответить, но оказалось, что у неё совсем нет сил, вместо слов раздался лишь слабый хрип.

– Молчи-молчи, милая, не напрягайся, потом расскажешь! – спохватилась дама. В это время они остановились около какого-то дома. Отворились широкие ворота, и повозка въехала во двор. Кто-то помог Любушке сойти на землю, голова её закружилась, и она начала было падать, но чьи-то крепкие руки подхватили девушку.

Любушка открыла глаза и в недоумении огляделась. Она лежала на кровати в незнакомой комнатке с низким потолком. Утреннее солнышко пробивалось сквозь небольшое окно, освещая круглый столик, накрытый льняной скатертью, и крепкий стул возле него. Рядом с кроватью на другом стуле сидела девушка и внимательно смотрела на Любашу.

– Где я? – спросила Любушка.

– В доме доктора Иноземцева, вас барыня вчера привезли, – пояснила девушка. – Они вас по дороге подобрали. Доктор меня к вам приставил, я горничная, Серафимой меня звать. Можно просто Сима. Доктор велел вам вот эту микстуру пить, как очнётесь. И строго-настрого запретил вставать! Сказал, чтоб лежали, пока он не осмотрит вас вдругорядь.

Девушка взяла в руку ложку и налила в неё какую-то жидкость из тёмной склянки.

– Давайте немного голову приподыдем. Вот тааак, – продолжала Серафима, вливая лекарство в рот Любаше. – Теперь лежите, а я рядом посижу.

Люба проглотила горькую жидкость, поморщилась и закрыла глаза. Разговаривать с бойкой горничной не было ни сил, ни желания.

Но та не унималась, поднесла к её губам стакан с водой. Любушка с удовольствием сделала несколько глотков.

Вскоре в каморку заглянула вчерашняя дама. Горничная вскочила, уступив ей стул:

– Присаживайтесь, Любовь Васильевна!

– Ну, что? Как себя чувствует наша гостья? Вижу, что тебе уже получше, – начала разговор хозяйка.

Люба слабо улыбнулась и тихо проговорила:

– Спасибо Вам, Вы вчера мне жизнь спасли. Я уже и не надеялась, что жива останусь.

– А звать-то тебя как, девица? – спросила дама.

– Люба я, – ответила Любаша коротко.

– Так значит, тёзки мы! Ну, выкладывай, тёзка, что же такое с тобой приключилось?

И Любаша кратко рассказала свою ужасную историю. Умолчала только, что у коконьки она жила в ссылке, что есть у неё большая семья.

– Наверное, надо бы сообщить твоей тётушке, что ты жива, да в полицию заявить, – сказала Любовь Васильевна, – только я не разглядела, кто там был в телеге, уже смеркалось.

– Я тоже лиц их не видела, – ответила Любаша, – только голоса помню.

– Сейчас тебе поправиться надо, а там уже и решать будем, что дальше делать, – сказала она, уходя.

Потом больную осмотрел доктор. Это был худощавый мужчина с седой бородкой клинышком и весёлыми глазами, скрытыми за стеклами пенсне, сидящего на его слегка заострённом носу. Он представился Петром Яковлевичем и во время осмотра постоянно шутил и улыбался.

– Как тебя разукрасили-то, красавица! – присвистнул он, разглядывая Любушкино лицо. – Ну, ничего, синяки сойдут, главное, что нет ран, а, значит, и никаких шрамов не останется.

Доктор долго наклонял голову Любаше то вправо, то влево, то вперёд, то назад, и всё время спрашивал, где ещё болит. Прощупав плечо и руку, сказал, что кости целы, просто сильные ушибы. Он дал Серафиме склянку с мазью, которой велел смазать все ссадины и синяки, и заключил осмотр словами, что, в общем-то, ничего страшного нет, надо только отлежаться несколько дней. Уходя, он весело глянул на больную поверх своих очков и заверил, что до свадьбы всё непременно заживёт.

Только Любушке было не до веселья и уж вовсе не до свадеб. Голова кружилась всякий раз, как только девица пыталась слегка приподняться. Облегчённо вздохнув, когда доктор оставил её в покое, она опять провалилась то ли в сон, то ли в забытьё. Так прошло несколько дней. Серафима ухаживала за Любой, как за малым дитём, кормила её с ложки, поила, слегка придерживая больную голову. Когда Любаше стало получше, она наконец смогла разглядеть свою сиделку. Это была высокая крепкая девка, про каких обычно говорят «кровь с молоком». Лицо её, изъеденное оспой, вид имело неприглядный, к тому же, левый глаз слегка косил. Но душа её, несомненно, была доброй, ведь столько сил Серафима потратила, выхаживая Любушку. Та же чувствовала себя неловко перед этими людьми, проявившими о ней такую заботу, добровольно принявшими участие в её судьбе. Она знала, что докторам полагается платить за работу, и с ужасом ждала того часа, когда с неё потребуют плату за лечение и кров. Денег-то у неё совсем не было. Она сильно скучала по своему дому, по сестре и братьям, по матери с отцом, по деду с бабкой и по коконьке, которая, наверное, теряется теперь в догадках, что же приклю-

чилось с Любашей. А может, она решила, что Любушка сбежала от неё? Ей совсем не хотелось выглядеть такой неблагодарной. Вспомнилось, как дружно они жили вдвоём, как много рассказывала ей о своей жизни тётушка Пелагея долгими вечерами. А всё этот рыжий кержак, будь он неладен! Всю жизнь Любушке порушил он со своим сумасшедшим дедом. Но думать о плохом ей не хотелось. Не хотелось и вспоминать, что она пережила, лёжа в чужой телеге с грязным мешком на лице.

Словоохотливая Серафима с удовольствием отвечала на все вопросы Любушки, ведь та поначалу даже не знала, где она находится. Оказалось, что в Тагильском заводе. Любовь Васильевна подобрала её, когда возвращалась от какой-то своей дальней родни, которую ездила навестить. В общем, хозяева – люди сердечные, в беде всегда помогут. И к слугам они не слишком строги. Работать у Иноземцевых – великое счастье, не в каждом доме так вольготно живётся. Жалованье платят исправно, слуг кормят лучше, чем в иных-то домах. Нельзя сказать, что они сильно богаты, но люди зажиточные и не скупые. В семье трое деток: два мальчика-гимназиста и маленькая дочка, три годика недавно ей минуло. У доктора большая практика, и потому он редко бывает дома. Правда, ходят слухи, что не только поэтому. Живут они недалеко от базарной площади, вот Люба выздоровеет, и Серафима непременно сводит её туда. Любаша улыбнулась – что ей делать на базаре, если у неё ни гроша за душой? И что, вообще, ей дальше делать? Это был главный вопрос, на который она пыталась найти ответ. Домой возвращаться нельзя, её ведь отправили из дому, значит, туда она ехать не может, да и к коконьке ей дорога заказана – не хотела бы она снова встретиться с теми злодеями. Остаётся одно – положиться на судьбу и ждать.

Глава 8

Вскоре Любушка стала выходить на воздух в сопровождении Серафимы. Накормив большую завтраком, горничная вела её в садик. Здесь росло несколько кустов крыжовника и смородины, старая черёмуха да пара диких яблонь. Дорожки между ними были засыпаны речным песком, а в центре лужайки стояла небольшая беседка. Теперь Любаша каждое утро проводила в ней, наслаждаясь щебетом птиц и ласковым утренним солнышком, которое тепло касалось её лица. Усадив девицу в беседку, Серафима сказала:

– Подожди тут немного, я сейчас за дочкой хозяйской схожу и вернусь. Нянька её вдруг замуж вышла да уехала в другой завод, вот барыня и поручила мне за малой приглядывать.

Люба согласно кивнула и подставила лицо косым лучам утреннего солнышка, которые настойчиво пробивались в беседку. Днём они, наверное, станут жгучими и беспощадными, а сейчас ещё теплые и необыкновенно нежные.

Закрыв глаза, Любаша думала о своём. Головная боль уже так сильно не мучила, но тяжкие думы по-прежнему не давали ей покоя. Надо срочно решать, что делать дальше, куда теперь направиться.

– Ты кто? – раздался рядом детский голосок.

Девушка открыла глаза – перед ней стоял ангелочек в пышном платьице нежно-розового цвета. Милое личико обрамляли белокурые кудряшки, а пронзительно-голубые глаза с интересом разглядывали Любашу.

– Я Люба, а ты кто? – ответила она девчужке.

– А я Софья Петровна! – почти по слогам проговорила девчушка.

– Доброго здоровьица Вам, Софья Петровна! – с улыбкой произнесла Любаша, с интересом разглядывая девчушку, которая была абсолютной копией своей матери. И опять эти васильковые глаза. Совсем, как... Эх, Василко-Василёк!

Любаша вздохнула.

– А чем ты тут занимаешься? – малышка с прищуром разглядывала Любу.

– Ничем, просто сижу.

– А сказки ты знаешь?

– Конечно.

– А про кого? Про бабу Ягу знаешь?

– Конечно, знаю!

– Расскажи! – приказала девчушка, усаживаясь рядом с ней и доверчиво глядя ей прямо в глаза.

И вспомнилась тут Любушке младшая сестрёнка Ася, которая когда-то вот так же требовала от неё сказок. Вспомнились братики: непоседа Стёпка да маленький Сашенька, который по возрасту был немногим старше этой малышки – и сердце накрыла тёплая волна. Люба обняла девочку и неспешно начала:

– В некотором царстве, в тридевятом государстве, среди дремучих лесов и гнилых болот жила-была баба Яга.

– А какая она была? – тут же вставила вопрос малышка.

– А была она седая да костлявая, хромая да вертлявая...

Тут Любаша подняла глаза и увидела, что на них с улыбкой смотрит Любовь Васильевна. Девушка смутилась, она не слышала, как подошла хозяйка.

– Мамочка! – радостно защебетала девочка. – А Люба мне сказку рассказывает!

– Интересную? – улыбнулась мать.

– Очень! – воскликнула малышка. – Я Симу просила-просила, а она сказок не знает, а Люба знает! – А можно мне тоже послушать? – по-прежнему с улыбкой спросила мать.

– Конечно! – щебетала девочка. – Сейчас будет страшно! Да, Люба? – посмотрела она на Любашу.

Та тепло улыбнулась и продолжила сказку. Любовь Васильевна внимательно слушала и с интересом разглядывала Любушку. Когда та закончила, Сонечка потребовала:

– Ещё!

– Довольно, Софьюшка! – строго сказала Любовь Васильевна. – Любе отдохнуть надо, она ещё больна, а ты поиграй-ка пока с Симой.

– Да что Вы, Любовь Васильевна, я прекрасно себя чувствую, мне даже в радость беседовать с Сонечкой. Она у Вас такая прелесть! – начала было возражать Любаша.

– Вот об этом я и хочу поговорить с тобой. Давай пройдем в дом, – хозяйка поднялась и направилась к особняку. Любушка последовала за ней.

– Как ты себя чувствуешь, Люба? – спросила хозяйка, войдя в гостиную и указав девице на стул, а сама села напротив.

– Спасибо, уже намного лучше. Наверное, мне пора покинуть ваш дом, я и так много хлопот вам всем доставила. Даже и не знаю, как я смогу отблагодарить Вас за всё, Любовь Васильевна.

– Не спеши, Любушка, – хозяйка подняла вверх ладонь, как бы останавливая её. – Как раз об этом я и хочу с тобой поговорить. Сейчас я наблюдала, как ты занималась с Софьей, и вижу, что у тебя неплохо получается ладить с детьми. Ты когда-нибудь работала няней?

– Нет, Любовь Васильевна, я не работала, но мне довелось нянчить младших братьев и сестру.

– Это хорошо! – довольно проговорила хозяйка. – Значит, опыт у тебя есть. И сердце доброе. Мне срочно нужна няня для Софьюшки. Не хочется искать человека на стороне, а тебя я уже немного знаю, да и вижу, что детей ты любишь. И если ты согласишься, я сегодня же нанимаю тебя на работу. Это ненадолго, потом мы подыщем гувернантку, которая будет ещё и обучать её многим вещам, начиная с хороших манер и заканчивая разными науками. А пока что довольно и няни.

Любаша растерялась, предложение прозвучало неожиданно, она к нему не была готова.

– Я не тороплю с ответом, можешь немного подумать, – продолжила Любовь Васильевна. Если тебе есть куда вернуться и ты рвёшься домой, то я не стану препятствовать. А коли ты дашь своё согласие, то я переселю тебя в спальню бывшей няни, она находится рядом с комнатой дочки, положу тебе жалованье и куплю одежду на первое время.

И тут до Любаши дошло, что ей предлагают то, что может сейчас разрешить её проблему. У неё будет кров и работа! А ещё и время, чтоб решить, что же делать дальше: вернуться ли домой или же продолжать жить без родной семьи. Она подняла глаза на хозяйку и смущённо проговорила:

– Спасибо Вам, Любовь Васильевна! Я буду стараться.

– Вот и хорошо! – обрадовалась та. – Скажи-ка для начала, обучена ли ты грамоте? Читать-писать умеешь?

– Умею, я в церковно-приходской школе училась.

Хозяйка подала ей свёрнутую вчетверо газету:

– Прочти-ка, что тут написано.

Любушка бойко начала:

– «20 мая сего года в Москве открылась Всероссийская художественно-промышленная выставка...»

– Довольно! Молодец! – остановила её Любовь Васильевна. – Считай, что я наняла тебя на работу. Пойдём, я покажу тебе твою новую комнату.

И хозяйка направилась вверх по лестнице, Любушка – за ней. Она уже довольно долго жила в этом доме, но, кроме своей коморки и садика, никуда не ходила. Комната, в которую

привела её хозяйка, была немного просторнее, чем прежняя, и гораздо светлее. Она сообщалась с детской, где жила Софьюшка. Далее располагалась комната её братьев, Антона и Дмитрия. Тут же, наверху, были и хозяйские спальни.

В комнатке няни глазам Любушки предстала высокая кровать, небольшой столик, два стула и шкаф для одежды, подле которого стояла небольшая фигурная ширма. Большое зеркало на стене делало комнату ещё светлее. Окно выходило в сад, на ту самую лужайку, где стояла беседка. Любовь Васильевна открыла шкаф и вынула оттуда форменное платье серого цвета с белым кружевным воротничком. Поверх платья был надет белый передник.

– Вот, Любаша, это платье я недавно заказала специально для няни. Но та его так и не надела ни разу, оно совершенно новое. Размер у вас, я думаю, одинаков, так что оно должно тебе быть впору.

Любушка приложила наряд к себе и подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела незнакомая девушка. Белый воротничок слегка оттенял её смуглую кожу, лицо после болезни немного осунулось, синяки под глазами из лиловых стали уже слегка желтоватыми, а непослушные локоны торчали во все стороны.

– Попроси Симу собрать твои волосы в узел, чтоб они не мешали. Пусть она тебя научит, как это делается. Никто не должен видеть тебя растрёпанной и неопрятной – это обязательное условие.

Любушка согласно кивнула.

– Но прежде, – продолжала хозяйка, – пусть она нагреет воды и поможет тебе помыться. Потом подойдёшь ко мне, я расскажу тебе распорядок дня дочки.

Любаша опять кивнула.

– А теперь ступай вниз к Серафиме, пусть она Софьюшку ко мне приведёт, а сама тобой займётся.

Любаша поклонилась и вышла из комнаты.

Когда она, помытая и причёсанная, надев свой новый наряд, вошла в гостиную, где ждала её хозяйка, та только руками всплеснула:

– Да ты просто красавица, Любаша! – и тень сомнения вдруг промелькнула на её лице.

– Люба-Люба! – запрыгала вокруг неё Софья, теребя за подол. – Сказку! Хочу сказку!

Любушка с улыбкой погладила малышку по голове, а Любовь Васильевна сказала, обратившись к дочери:

– Люба отныне будет твоей няней, Софьюшка, и ты должна её слушаться. Иди в свою комнату и ожидай там, пока мы закончим разговор. Потом няня расскажет тебе сказку.

Девчушка надула, было, губки, но обещанная сказка подействовала на неё благотворно. Соня улыбнулась Любаше и послушно побежала к себе.

Любовь Васильевна дала подробные указания Любушке. От неё требуется соблюдать режим, следить за питанием и сном малышки и развлекать девочку, ограждая её при этом от бед. Прогулки, игры, сказки – всё это совсем несложно, сложнее с самыми простыми манерами, которые Любаша должна сразу прививать малышке. А поскольку сама она им не обучена, то хозяйка тут же преподала ей небольшой урок. Девочка уже сейчас должна знать, как и когда приветствовать людей, вовремя говорить слова благодарности, уметь пользоваться столовыми приборами. Хозяйка обучила Любушку делать книксен и попросила забыть о поклонах. Сказала, что постепенно в процессе жизни в этом доме и общения с семьёй, она сама разберётся, что к чему. Да и Любовь Васильевна при случае ей подскажет.

Весь день Любаша занималась с Соней. Доверчиво прижавшись к Любе, девочка слушала её сказки и с интересом училась считать воробьёв, усевшихся на ограду садика. Вместе они пеленали тряпичную куклу и пели ей незатейливые колыбельные песенки. Любовь Васильевна неотступно следила за ними и, похоже, осталась довольна своей новой няней. Вернувшийся вечером Пётр Яковлевич удивлённо вскинул брови, увидев Любушку рядом с дочкой.

– Папенька! У меня новая няня! Любочка! Она мне сказки рассказывает! – затараторила девчушка, бросившись к отцу.

– Ах, ты, моя шалунья! – подхватив дочь, отец подбросил её вверх, отчего та громко рассмеялась.

– А теперь и Любу так же подними! – закричала она.

Любушка смущённо улыбнулась.

– Боюсь, что у папеньки сил не хватит на Любашу! – сказала подошедшая Любовь Васильевна и сверкнула на мужа глазами. Потом улыбнулась Любаше и, взяв мужа под руку, повела его наверх.

Уложив свою подопечную спать, Люба решила выйти в садик. День был очень насыщенный, и ей захотелось посидеть в тишине. Она расположилась в беседке, любуясь на освещенные закатным солнцем крыши. На земле уже лежала тень сумерек, а крыши ещё отливали розовым огнём. Картина была просто завораживающей. Вскоре к ней присоединилась Серафима.

– Ты это, девонька, с хозяином будь поосторожнее, уж больно охоч он до красивых барышень.

Люба с недоумением смотрела на горничную.

– Мне тут Раиса, повариха, сказывала, – продолжала та, – что няню-то не просто так уволили, и вовсе не замуж она вышла, а госпожа её выгнала, похоже, у неё с Петром-то Яковлевичем роман приключился, вот барыня и распорядилась удалить её.

Любаша вздохнула, уж она-то знала, что это значит – пострадать из-за мужского интереса.

Глава 9

Хорошо жилось Марусе в родимом доме. Порой ей казалось, будто она в детство вернулась. Особенно по вечерам, когда укладывала на полатах своих деток. Набегавшись за день, они никак не могли утомиться. Тимоша и Никита ещё долго шептались и хихикали, мешая заснуть Нюрочке, и Маруся строго шикала на них, пряча улыбку. И вспоминалось ей, как когда-то на этих же полатах они с Нюрой обсуждали перед сном свои тайны, а Василко прислушивался к их разговорам и обижался, что они что-то от него скрывают.

Но радость от жизни в родной семье принакрылась бедой, словно чёрною тучей. Тюша то и дело ходит в церковь, ставит свечи за здоровье Любушки. Анфиса каждый вечер творит молитву перед образами, умоляя Господа вернуть ей внучку. Прохор бродит по двору смурной, и всё у него из рук валится. Иван ещё раз съездил в Лаю, но тщетно – Любушка там больше не объявлялась. Коконька совсем сникла – всё виноватит себя, что девку не уберегла. Приезжал пристав по каким-то заводским делам, Пелагея к нему с челобитной, а тот ничем не помог. Никто ничего не видел, никак вину не докажешь. Может, мол, девка сама сбежала – и весь сказ. Несколько раз подходила коконька к ненавистному кержацкому дому, стучала в ворота и требовала ответа. Но те затаились и не отворяли ей. По селу прошёл слух, что сослали они Зотея вместе с дедом в какой-то дальний скит, от греха подальше. Всё это она Ивану и поведала.

Смотреть, как убивается Тюша по Любушке, было выше его сил, и Иван старался занять себя делами. Сердце разрывалось при виде почерневшего лица жены. А оттого, что он ничем помочь не мог, было и вовсе горько. Но горюй, не горюй, а дела-то стоять не должны. Да и время бежит так, что только поспевай за ним. Вроде, давно ли пашни засеяли, а уже и новая работа подоспела. Петров день на носу, скоро сенокос начинать, пора косы готовить – точить да отбивать. Иван успел ещё до Петрова поста одну из купленных коров забить да мясом поторговать. И в накладе не остался, понял, что он на верном пути. В заводе ведь как заведено: поздней осенью, после Покрова, если морозец установится, все начинают забивать скотину. До Рождественского поста успевают мясом полакомиться. В каждой избе сечки о деревянные корыта стучат, пельмени стряпаются, ноги для холодцов палятся. Бабы кишки в проруби полощут, колбасы набивают. Всё в ход идёт – и осердие, и потроха. А уж разговеться после поста народ у нас любит. Зимой в каждом доме мясо в печи томится. Глядишь – к весне-то уже всё и подъедено. И вот тут самое время торговлю открывать. Жаль, поздно ему эта мысль-то в голову пришла, а то ведь прямо с Пасхи и начинать можно было. Но Иван всё учтёт на будущее. Только радости-то нет никакой от этой новой затеи. Вот если бы Любушка объявилась, тогда б и жизнь по-другому пошла.

Однажды вечером Иван с отцом отбивали во дворе косы, а женщины в это время поливали огород. Вдруг во двор вошёл Николка Черепанов, давешний Василков дружок.

– Бог в помощь, работники! – поприветствовал он хозяев. – Доброго вам здоровьица!

– И тебе не хворать! – ответил Прохор. – С чем пожаловал?

– Да вот, весточку вам привёз из Тагильского завода. От Любаши вашей.

Мужики чуть молотки из рук не выронили от такой новости.

– Анфиса! – крикнул Прохор. – Бегите-ка все сюда! А ты, милоч, – обратился он к парню, – садись покуда на эту чурку, всё нам сейчас и обскажешь.

Маруся, Тюша и Анфиса поспешили на его зов.

– Любушку вашу я сегодня встретил на рынке в Тагильском заводе, – начал Николка, когда все собрались, – кланяться велела да передать, что всё у неё хорошо, чтоб не переживали за неё.

Тюша тут и охнула.

– Жива моя кровиночка! Жива моя деточка! Спасибо тебе, Господи! Услыхал ты мои молитвы!

Маруся молча обняла Тюшу одной рукой и погладила её по плечу.

– Как она там? Расскажи хоть, – попросила Анфиса парня.

– Настоящая барыня! – выпалил Николка и тут же смутился. – Одета нарядно. Я её сразу-то и не признал, пока она меня не окликнула. В платье обряжена, а на голове шляпка соломенная, и волосы в причёску убраны. А ещё девчушка при ней махонькая, просто ангелочек. Люба сказывала, что нянкой работает в семье тамошнего доктора. Дескать, эти люди из лихой беды её выручили, и она благодарна им очень. Теперь в их доме и живёт. Жалованье ей положили, но она пока не получала, хотела сразу, как деньги будут, письмо вам отправить, да тут я и подвернулся. Про всех вас расспрашивала, всё ли в порядке, не хвораете ли. Говорит, скучает шибко по дому-то.

– А чего ж тогда домой-то не вертается, коль скучает? – спросил Иван.

– Дак, говорит, не по своей воле уехала и не знает теперь, ждут ли её.

– Да как это? Почему не ждём-то? – всхлипнула Тюша. – Все глазоньки уже повыплакали, её ожидаючи!

– А как же она там одна-то в незнакомом заводе? Заплутает ещё! – удивилась Анфиса.

– А она не одна была. С ней две девки, видать, прислуга из того дома. Одна здоровенная, выше меня будет, и лицо у неё корявое. Девчушка её Симой называла. А другая толстая с огромной бородавкой на носу, а в руках корзина плетёная. Похоже, повариха ихняя, она потом в хлебные ряды направилась.

– А где там её сыскать-то можно, не сказывала? – уточнил Иван.

– Нет. Только обмолвилась, что недалеко от рынка живёт.

– Фамилию того доктора не знаешь?

Николка призадумался.

– Она называла, да я запомнил. Иноверцев? ...Иноходцев? ...Иноземцев? Знать-то, Иноземцев!

– Ну, спасибо тебе, мил человек! Большую радость ты нам принёс! – сердечно благодарил парня Прохор.

– Надо срочно ехать за Любашей! – сказал Иван.

– погоди, не пори горячку, – остановил его отец. – Ты же слышал – она работает! Люди на неё рассчитывают. Значит, домой сейчас она всё равно не поедет. Да и нам не до того, покос впереди. Вот управимся со всеми делами, тогда и поедешь.

– И то, правда, Ванечка! – сказала Тюша. – Главное, что Любушка жива-здоровая, у меня теперь хоть сердце на месте.

Анфиса молча утирала слёзы. Маруся смотрела на Тюшу и радовалась за неё. Она не представляла, как смогла бы пережить потерю любого из своих детей.

Николка попрощался и, пристально поглядев на Марусю, ушёл. Все с благодарностью смотрели ему вслед. Добрая весть слегка ошарашила их.

Парень шёл и думал о Марусе. С тех пор как сестра его старшая привела в дом Сану Кузнецова, это имя частенько там поминалось. Николка был ещё мальцом, когда Маруся сбежала от первого мужа. Василко сказывал ему по секрету, дескать, слышал, как взрослые судачили, будто избил её плетью Сано-то, вот она с его братом и уехала. А он протрезвел, да поздно уже – нет её. Не простила, видать. Молодец! Есть в ней что-то такое, чему Николай никак не мог найти объяснения. Вот сейчас она не проронила ни слова, а он исподволь наблюдал за ней и ощущал в этой женщине какую-то притягательную силу. А в чём она, та сила? В загадочности, что скрыта за её молчанием? Во внимательном взгляде её глубоких глаз? Трудно сказать. Казалось, во всей её фигуре, осанке, наклоне головы чувствовалось какое-то внутреннее достоинство. Нет, не ровня ей Сано! Не такой человек должен быть рядом с ней.

А Сано и лёгок на помине. Только Николай вошёл к себе во двор, тот, пошатываясь, вывалился из избы.

– И где ты шляешься, бездельник? – спросил зять заплетающимся языком.

– А я у Беловых был! С Марусей твоей виделся! – дерзко ответил Николай.

С некоторых пор Сано стал сильно раздражать его своим стремлением показать, что он тут хозяин. А какой он хозяин? Примак! Пока мать была жива, зятёк помалкивал, а теперь совсем распоясался. Особенно, когда выпьет.

– Маруся? – наконец до пьяного сознания Саны дошло, что сказал ему Николка. – Она приехала?

– Да она давно уж тут живёт со всем своим выводком! – раздался голос Татьяны, вышедшей на крыльцо. – Корчит из себя не знамо кого! Тоже мне, барыня выискалась!

– А я пошто не знаю? – пошатываясь, спросил Сано.

– А тебе знать необязательно! – отрезала жена.

– Как это необязательно? У меня там ...сын! ...Два сына! – поднял он вверх два пальца.

– У тебя их тут полон дом, а там – Егоровы сыны! И угомонись уже, не то Прохор Степаныч мигом тебя укоротит!

Сано плюхнулся на ступеньку и пытался ещё что-то сказать. Татьяна села рядом, сердито глядя на брата, принёсшего недобрую весть. Она долго скрывала от мужа, что Маруся гостит у своих родителей, а Николка всё выложил ему. Теперь ведь Сано будет непременно искать встречи с бывшей женой. И что потом? Уж сколько лет прошло, а он никак её не забудет. Горечь застыла на Танюхином лице.

Николка смотрел на сестру, словно впервые её увидел. Как же она отличается от Маруси! Вся изрубленная, замученная. Постоянно ворчит, то на детей, то на мужа. Брат уже и не помнит, как она улыбается. Да, далеко Танюхе до своей бывшей подружки. И та ей, словно кость в горле. Кабы Сано-то не сох по ней по первости, может, оно бы и утихло. А то ведь, бывало, как выпьет, так Марусю и поминает в пьяном бреду. А что у трезвого на уме, то у пьяного на языке – это всем известно. Вот сеструха и изводится. А как ей не изводиться-то?

Николка, после того Марусиного побега, впервые увидел её на Василковой свадьбе. Татьяна после свадьбы всё выпрашивала его про соперницу-то. Как, мол, тебе она? Хороша ли? Во что одета? А разве ж он обращал на это внимание? И вообще, стоило ему увидеть Василкову невесту в подвенечном уборе, тут он и дара речи лишился. И никого вокруг больше не замечал. Никогда ещё он такой красоты не видывал. Лишь глянул в глаза Лизаветины – так и утонул в них. Впервые тогда почувствовал Николка зависть к дружку своему. Не завидовал он раньше. Ни учёба друга, ни должность его, ни дедово богатство – ничто парня не волновало, а вот невеста-красавица совсем свела с ума. Он и с другом-то встречается теперь очень редко, хоть тот и зазывает его в гости. А как он туда придёт? Как он на Лизавету смотреть будет, если от одного только взгляда её готов чувств лишиться? Может, потому он до сих пор и не женился, что не встретил больше такой. Хотя, нет. Встретил уже. Сегодня. Как глянула на него Любушка из-под шляпки своей соломенной, так словно в омут и затянула. И ведь жили почти рядом, а он её почему-то раньше не замечал. Просто малявка, племянница дружка его закадычного. А вот, поди ж ты! Выросла!

– Николка, оглох что ли?! Слышь, в ворота стучат! Открой! – выдернул его из раздумий Татьянин голос.

За воротами оказался Гриня Титов. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Чего тебе? – Николка удивлённо уставился на него.

– Я это... я узнать хотел... говорят, ты Любу Белову видел, – заговорил тот робко.

Быстро же слухи по заводу разлетаются! Не успел до дома дойти, уже все всё знают.

– Ну, видел, и чего? В Тагильском заводе на рынке встретил, – нахмурился Николка.

– А когда она вернётся, не сказывала? – рвалась наружу потаённая Гринина надежда.

– Не сказывала, может, и никогда не вернётся, – решил подзадорить его Николка, сам не зная, почему.

– Как никогда? – лицо Грини вытянулось от изумления. – А я? ...А свататься? ...Мне батя обещал. Осенью.

– А она тебе обещала? – почему-то со злостью спросил Николка.

Тот пожал плечами:

– Нет... Не обещала...

– А на нет и суда нет! – отрезал Николка и захлопнул ворота. – Ишь ты, женишок выискался!

– Чего ты злишься-то, братец, будто он про твою невесту выпрашивает? – крикнула с крыльца Татьяна.

Николка растерялся, не зная, что ответить. Он почувствовал, как краска заливает лицо.

Татьяна всё поняла.

– И ты туда же! – проворчала она. – Уж сколь девок в заводе, а тебе именно Беловскую подавай! Да что ж они все? Заговорённые какие что ли, что вы по ним сохнете?!

Глава 10

Маруся шла на речку бельё полоскать. Летнее утро, касаясь её лица солнечными лучами, нежно ласкало кожу. Легчайший ветерок навевал ароматы трав и полевых цветов. Она вдыхала этот воздух, напоённый запахами детства, и тихо радовалась новому дню. Тимофей с Никитой вызвались в помощники – они несли большую овальную решётку, держа её за ручки по бокам. Каждый хотел показать, что он сильнее и слегка приподымал свою сторону, чтобы большая нагрузка ложилась на него.

– Осторожно, сорванцы! – окликнула их Маруся. – Вы мне сейчас все рубахи в пыли извляете!

Братья весело рассмеялись.

Маруся с Нюрочкой, шагавшие позади них, тоже улыбнулись. Дочка беспрестанно щебетала. Ей нравилось гостить у бабушки и деда, нравилось играть с братьями и сестрой, но она уже скучала по отцу и рвалась домой. Маруся отвечала ей, что в их новом доме идут работы, и жить там пока нет никакой возможности. Надо ещё немного подождать, скоро тятенька управится со всеми делами и сам за ними приедет. Да и бабушке Анфисе с внуками веселее, и помощь хоть какая-то. Вот уже и страда началась, мужики первый покос докашивают, и завтра они все вместе отправятся сено грести. Это очень весело – работать всей большой семьёй на покосе. И Маруся стала рассказывать, как они с сестрой Нюрой в детстве любили эту страдную пору. Как разбивали кошенину, как сгребали её в валки, как в минуты отдыха спасались от жары в тени деревьев, как пили студёную воду из родника и лакомились ягодками. Нюрочка с интересом слушала, ей тоже захотелось на покос.

Вдруг Марусю кто-то окликнул. Она обернулась и увидела Сано, который приближался к ним, смущённо улыбаясь.

– Здравствуй, Маруся! – выдохнул он, робея.

– Здравствуй, Сано, – ответила она, с первого взгляда приметив, как он изменился, и не в лучшую сторону. Лицо какое-то помятое, глаза потускнели.

Зато он смотрел на неё и не мог глаз оторвать. Хороша! И даже шрам на щеке – его вечный упрёк – стал почти незаметен. Спohватившись, что он слишком откровенно разглядывает бывшую жену, он сказал:

– Я это... я к сыновьям... поговорить бы.

– Зачем? – глаза Маруси сузились. – Кому это надо?

– Мне надо! – воскликнул Сано.

– А им оно надо? – Маруся смотрела на него, сурово сдвинув брови.

– Дак, отец я... всё-таки...

– У них есть отец! Он их вырастил, они его любят, а тебя совсем не знают. И зачем всё это? Запомни – все они твои племянники! И не вздумай к ним приближаться!

Это было сказано таким тоном, что Сано весь вдруг съёжился и послушно закивал. Почему-то не смел он перечить Марусе. Не получалось. Но она говорила об обоих мальчиках, а не только о Тимоше, и это вселяло надежду, что Никата тоже его сын. Он так и знал! Он чувствовал!

– Я это, я хотел их к бабке с дедом сводить, – как бы оправдываясь, проговорил он, – негоже дедов своих не знать.

– Егор приедет и сводит! – отрезала она и, повернувшись, пошла дальше. Потом вдруг остановилась, подтолкнула дочку вперёд к сыновьям, а сама вернулась к нему и неожиданно мягко заговорила:

– Пойми, Сано, так лучше для них. Если они тебе дороги, не встречай, не ломай им жизнь. Может, потом, когда повзрослеют, они всё узнают, но не сейчас. Прощу тебя, ради их же блага.

Он смотрел в её глаза, полные мольбы и понимал, что выполнит всё, что она скажет. Не враг он своим детям. Не враг.

Незадавшийся отец согласно кивнул и спросил:

– Ты только скажи мне, Никита – тоже мой?

Маруся пожала плечами и пошла догонять детей. А что она могла ответить, если и сама не знала этого? А Сано так и остался стоять, глядя ей вслед. Она была всё та же, его Маруся, и, в то же время, совсем другая. И эта другая манила его к себе ещё сильнее. Он выполнит всё, о чём она просит. Он, конечно же, не пойдёт против неё. Это Сано сейчас отчётливо понял. Как можно ссориться с той, кого боготворишь?

Маруся полоскала бельё, а перед глазами стояло Саново лицо. Что-то, похожее на жалость, всколыхнулось в ней. Чего греха таить, сломала она жизнь парню, и чувство вины, с которым она много лет боролась, всколыхнулось вновь. Из рассказов матери и Тюши, она знала, что жизнь его с Танюшкой не очень ладится, как не ладится и с работой. Да и пьёт он постоянно – оттого и нелады. Интересно, а живи он с ней, с Марусей, так же пил бы? Она задумалась, вспоминая прошлое. А ведь он и раньше к бражке прикладывался. Ситуации, выходящие за рамки обычной жизни, всегда выбивали Сану из колеи. Когда Фрося оклеветала Марусю и та убежала из дома свекрови, он напился. И когда учинил расправу над ней, тоже был пьян. Эх, слаб человек! А ведь неплохой мужик-то был. Добрый, заботливый. Но до брата ему далеко. Только Егор дал ей почувствовать, какое оно, бабье счастье. Жизнь с ним была совсем иной, чем с Саном. Вот уж, воистину, за мужем, как за каменной стеной. А из Сана какая стена? Так, шаткий заборчик, который бабе самой и подпирать приходится.

А Сано тем временем домой вернулся. Во дворе его встретила жена:

– И где тебя носит, окаянного? У меня забот полон рот, а мужик шляется незнамо где.

Сано смотрел на Танюшку и невольно сравнивал её с той, что только что стояла перед ним. Сравнение было явно не в пользу жены.

– Ну, чего ты всё время ворчишь на меня? Слова доброго от тебя не дождёшься. У других жёны приветливые да ласковые, а ты вечно всем недовольна.

– Да, у других и мужики другие, а с тобой любая ворчливой станет!

Сано аж дар речи потерял от такого обвинения. Выходит, что Маруся, живя с ним, стала бы точно такой же, как Танюха? Нет, с этим он не может согласиться! Маруся, она такая... Такая... В общем, совсем другая. Интересно, а каково же ей с Егором-то живётся? Он ведь даже не спросил про брата. А надо было. Злость на Егора давно прошла, на смену ей пришло сожаление, что они в раздоре. Родная кровь, как-никак. Сано сел на крыльцо и призадумался. А если Танюха права? И жёны становятся злобными только у худых мужиков? А у доброго мужа жена всегда ласкова да покладиста? Эти мысли были новы для него.

– Чего расселся? – вырвал его из раздумий голос жены. – Сидит опять, мечтает! У людей уже гребь поспела, а мы ещё косить не начинали!

– Ты же знаешь, что я три дня кряду бате косить помогал. Вот с отцовым покосом управимся, а потом уж за наш примемся. Не могу же я старикам своим не помочь.

– Вот так всегда – сначала другим, потом себе! – возмутилась Татьяна.

– Всё собачитесь? – послышался голос Николки, вышедшего из избы. В руках он держал котомку.

– А ты куда наострился? – удивилась сестра.

– Ухожу я от вас, надоели ваши вечные дразги.

– Как уходишь? Куда? Изба-то у нас общая, она и твоя тоже.

– Да, тут есть хозяин и без меня! – Николка искоса глянул на зятя. – А я уж как-нибудь сам!

– А люди-то чего скажут? – возмутилась Танюха. – Что выгнали мы тебя из собственного дома? Не срамил бы ты нас, Николка, перед людьми!

– А людям скажете, уехал, мол, Николка по свету счастья искать!

– Как уехал? Совсем? А работа как же? – недоумевала сестра. – Только в мастера выбился, модельщик, сказывают, из тебя хороший получился, деньги зарабатывать стал и вдруг...

– А деньги-то везде заробить можно! – с улыбкой отвечал Николай.

– А мы как же? А детей чем кормить? – робко молвила сестрица.

– А у детей батя есть? Есть! Вот пусть он их и кормит!

– Дак он же без работы теперь! – оправдывала мужа Татьяна.

– А без работы у нас сидят только лодыри да пьяницы! А кто работать хочет, тот всегда её найдёт! – сурово ответил Николай.

– Ты нам хоть денег-то оставь немного, – умоляюще проговорила сестра.

– Оставил на столе. Немного. Мне и самому они теперь понадобятся.

Сано не проронил ни слова. Видно, и впрямь, худой он муж, и отец плохой, коли своих детей прокормить не может. Стало стыдно, что Танюха выпрашивает деньги у брата.

– Ты хоть вернёшься домой-то? – спросила сестра.

– Не знаю. Разве что навестить. Но жить с вами я уже не стану, пора мне своей семьёй обзаводиться.

– Никак жениться надумал? – удивилась она.

– А уж это как повезёт! – улыбнулся Николай, направляясь к воротам.

– Погоди-ка! – крикнула вдогонку сестра и направилась следом, переходя почти на шёпот. – Уж, не к Любке ли ты решил податься? Чует моё сердце, что так оно и есть. Присушила-таки, цыганка чёртова! Отняла у меня брата!

– Ну что ты несёшь всякий вздор! – возмутился Сано. – Он мужик, ему давно пора жениться! И не тебе выбирать ему суженую! Сам справится!

– А ты, вообще, помалкивай! – повернулась она к мужу. – Сам до сих пор по этой дряни беловской сохнешь, хочешь, чтоб и брат мой так же маялся?

– Да кто сохнет? Это всё твои выдумки! – возмутился Сано, но жена словно не слышала его.

– К кому угодно сватайся, – снова оборотилась она к брату, – только не в эту семью!

Николай молча махнул рукой, отворил ворота и сказал:

– Прощайте, покуда!

Он шёл по родному посёлку и думал о том, когда же вновь сюда вернётся. Непросто было заводскому парню решиться и вдруг сорваться с места. Его охватывала тревога перед неизвестностью, но так будет лучше всем. Пусть сестра живёт своей семьёй, а у него другая дорога. Устроилась же Любаша в чужом заводе и ничего, прекрасно живёт. И он сможет. А если повезёт, то он её отыщет и, может быть... Да что наперёд загадывать! Не спугнуть бы! Но прежде он должен зайти к другу. С Петькой они попрощались вчера, а вот к Василке он сейчас и направляется. Николку немного смущало то, что там он снова встретится с Лизаветой. Но не может же он уехать, не попрощавшись с другом.

Василий встретил его у ворот и очень удивился, узнав, что он уезжает. Ему всегда казалось, что Николка с Петькой крепко вросли в эту землю, и никакая сила не сможет сдёрнуть их с родных мест. Василко полюбопытствовал, почему друг выбрал именно Тагильский завод, в округе много и других мест. Можно податься в Кушвинский или Туринский, да и Лайские заводы рядом. На что друг не сумел найти ответа, лишь пожал плечами. Ну, не скажет же он, что родственница Василкова, Любушка, крепко запала ему в душу, потому и готов он жизнь свою круто поменять. Друзья прошли в садик, где Лизавета гуляла с сыном. Она обернулась к Николаю и ответила на его приветствие. Странное дело – он не лишился дара речи, как это всегда бывало, не отвёл в смущении глаза от её лица. Он даже участливо спросил о её здравии и спокойно выслушал ответ. Ему впервые было радостно видеть счастливое семейство друга,

и от этого как-то сразу потеплело на душе. Не отказался он и от предложенного Лизанькой чая. Тут же, в саду, уже закипал самовар. Матрёна принесла вазочку с вареньем, колотый сахар, баранки и заварила ароматный чай. Николка и не заметил, как пролетело время, пока он наслаждался душевным теплом в семье своего друга. Почему-то представилось, как однажды придет к нему в гости Василко со своей семьёй, а Николкина жена будет потчевать их чаем. И будет так же тепло и душевно в их доме, и все будут веселы и счастливы. А почему бы и нет?

Глава 11

Любушка уже вполне освоилась со своей новой ролью. Ей нравилось жить в доме доктора Иноземцева, где всё дышало достатком и благородством. Красивая мебель, изысканная посуда, книги, которые ей было позволено читать, – это была совсем иная жизнь, нежели та, к коей девица привыкла. Особенно нравилось, когда Любовь Васильевна садилась за рояль, и дом наполнялся чарующими звуками. Малышка тут же поднимала вверх пальчик и говорила шёпотом:

– Мама музицирует!

При этом слово «музицирует» из детских уст звучало весьма забавно, и нянька улыбалась в ответ на её «мусисиюит».

Иногда у Иноземцевых собирались гости, и хозяйка исполняла романсы под собственный аккомпанемент. Люба с Софьюшкой в это время обычно играли в детской комнате, но нежные мелодии были слышны и там. Любаше нравилось заниматься с девочкой, которая быстро к ней привязалась и шагу ступить не желала без своей няни. Да и хозяйка была довольна Любой. Одно смущало бедную девицу – пристальные взгляды доктора, которые были тем откровеннее, чем дальше от него находилась в этот момент супруга. Бывали дни, когда Любовь Васильевна уезжала навестить кого-нибудь из своих приятельниц или родственников и брала с собой дочку, а няня могла в это время отдохнуть. Обычно она садилась с книгой в саду или помогала Серафиме по дому. Доктор в ту пору бывал в госпитале, а хозяйские сыновья – на учёбе.

В один из таких дней Любаша отправилась с Раисой на рынок. Повариха как раз собиралась пойти туда за пряниками да баранками, а Любушке надо было присмотреть каких-нибудь гостинцев для своих близких, вот она и воспользовалась случаем. Любовь Васильевна строила планы навестить на Ильин день своего брата, который живёт в Орулихе и имеет там какую-то должность на платиновом приiske. Она обещалась взять с собой и Любушку. Пока хозяйка с дочкой гостят у братца, Кузьма свозит её до родного завода, там всего-то вёрст двенадцать пути. И хотя до этого радостного события было ещё достаточно времени, Любаша уже с нетерпением готовилась к нему.

Они шли мимо лавки шорника, когда из неё вышли два мужика.

– Нет, не нужна мне такая уздечка, – сказал один, и Любаша вздрогнула, услышав этот голос. Она узнала бы его из тысячи.

– Ну, тогда я не знаю, – ответил второй. – Давай ещё поищем.

И этот голос она тоже узнала. Её охватил ужас, в голове всплыл тот страшный вечер, она снова ощутила запах ветхого мешка на лице, боль затёкших рук и животный страх перед близкой смертью. Девица осторожно глянула на мужиков. Тот, что постарше, был черняв и бородат. Насупленные брови под надвинутым на них картузом сходились на переносице, колючий взгляд карих глаз остановился на Любаше. Она посильнее надвинула шляпку на лоб и ускорила шаг. Второй, что помоложе, вдруг окликнул сзади:

– Раиска! Ты, что ли?

Любашина спутница повернулась:

– А, Власушка! Здравствуй, братишка! Давно мы с тобой не виделись!

Пришлось остановиться и Любаше. Сердце её отчаянно колотилось, когда Влас подошёл к ним. Это был молодой мужчина невыразительной наружности. Его круглое бесцветное лицо расплылось в щербатой улыбке, непонятного цвета глаза прищурились. На левой щеке выделялись три вертикальных шрама, уже затянувшиеся, но довольно чёткие.

– Ой, Влас, это кто так к тебе приложился? – воскликнула Раиса. – Неужто жена поцарапала?

Люба напряглась, ожидая, что тот ответит. А он лишь со злостью сплюнул, видимо, этот вопрос ему уже изрядно надоел. Любаша заметила, как сильно брат с сестрой похожи. Если ему на нос посадить бородавку, их с Раисой было бы не отличить. В другое время эта мысль могла Любу повеселить, но только не сейчас. Будь её воля, бежала бы отсюда без оглядки. Но теперь-то как быть? Тут Любушка заметила галантерейную лавку и сказала своей спутнице, направляясь к двери:

– Я пока сюда зайду, не теряй меня.

Голос предательски дрожал. Повариха кивнула ей в ответ и снова обратилась к брату. Люба пошла и, пока не скрылась за дверью, спиной чувствовала тяжёлые взгляды мужиков. Неужели они узнали её? И что же теперь будет? В лавке учтивый продавец сразу спросил, чего барышня желает, а она не знала, что ответить, пыталась рассматривать товар, но ничего не видела перед собой. Её била мелкая дрожь, и не давала покоя одна-единственная мысль: «Что делать?»

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем в лавку вошла Раиса. Любушка облегчённо вздохнула, и они отправились домой. Попутчица молчала, и это показалось Любе странным, обычно она болтала без умолку. Наконец повариха спросила:

– Ты раньше-то где жила?

– Дома, с родителями.

– Я спрашиваю, в каком заводе?

– Ааа, в Нижнетурином, – почему-то солгала Любаша, назвав другой завод вместо своего.

Раиса снова замолчала.

– А когда хозяйка тебя подобрала, как ты на дороге очутилась?

– Дак, жениху отказала, вот он меня и выкрал, – сочиняла на ходу Любаша, нутром чуя, что нельзя сейчас говорить правду – неспроста ж Раиса этот допрос учинила.

– Сам выкрал-то? Али нанял кого? – не унималась та.

– Сам! Но я потом вырвалась и убежала, а Любовь Васильевна меня и подобрала, спасибо ей!

Раиса подозрительно покосилась на Любушку. И эта подозрительность пугала её. Ведь, когда она рассказывала свою историю хозяйке, в комнате при том находилась Серафима. А вот могла ли Серафима поделиться этой историей с Раисой? А почему не могла-то?! Это же событие в доме – хозяйка подобрала полуживую девицу, которую хотели убить. И наверняка все слуги о том судачили. А если повариха всё знает, значит, и злодеям сказала, кто она такая. А коли этим супостатам известно, где она живёт, то они могут снова напасть, например, когда она с Сонечкой гулять выйдет. Или ещё чего удумают, выманят из дома под каким-нибудь предлогом через ту же Раису или Серафиму.

Любаша сидела в своей комнате и размышляла. Она понимала, что сейчас мужики должны её бояться, а не она их. Ведь, по сути, они преступники, и уверены, что теперь девица непременно донесёт в полицию. Предлагала же Любовь Васильевна сделать это сразу. Но тогда Люба не знала злодеев. Сегодня ей стало известно, что один из них – Раисин брат. Следовательно, его быстро отыщут. Но страх не отпускал. Мысль же при этом работала быстро и чётко. Едва ли они подадутся в бега – у них тут семьи, дети. Им проще избавиться от своей бывшей пленницы, пока она не сдала их с потрохами – это было ясно, как Божий день. И чем скорее они это сделают, тем лучше для них. Возможно, уже сейчас злодеи строят свои страшные планы. Значит, она должна придумать, как себя защитить. Может ли Раиса стать им помощницей в этом деле? А почему бы и нет? Ради спасения брата такое вполне возможно. Значит, оставаться в этом доме Любе небезопасно. Может статься, что и хозяева не успеют её защитить. Выходит, она сама должна о себе позаботиться. Но как? Надо срочно что-то придумать! Бежать? Это первое, что пришло ей в голову. Но куда? В родительский дом? Или к коконьке?

Но может ли Люба быть уверена, что, выйдя из этого особняка, тут же не попадёт в лапы злодеев? И хозяйки, как нарочно, до сих пор нет. Может, она бы что-то посоветовала?

Вошла Серафима и пристально глянула на Любу.

– Чего это ты пригорюнилась, Любаша? – спросила она участливо. – Я хотела тебя в сад на качели позвать, пока хозяев нет.

– Не до качелей мне, Сима! – вздохнула Люба. – А скажи-ка лучше, знает ли Раиса мою историю, которую я поведала, когда меня хозяйка привезла в этот дом?

– Знает, конечно! Я сама же и сказывала ей. Вот и сейчас она пошто-то про неё вспомнила, вопросы всякие задавала.

– Какие вопросы?

– Ну, про мужиков тех, знаешь ли ты их, не знаешь ли. Видела ли лица, запомнила ли?

– И что ты ей ответила?

– А я почём знаю? Ты мне про это не сказывала. Так и ответила.

– Симушка! Беда у меня опять! И помощь мне нужна. Ты умеешь тайны хранить?

Та согласно закивала, и Люба решила ей довериться, больше-то всё равно не с кем поделиться. Она шёпотом рассказала о неожиданной встрече на рынке, и о том, что злодеи узнали Любушку, а Раиса, похоже, готова им помочь. Серафима ахнула от ужаса, поднесла ладонь к губам.

– Чего делать-то теперь будешь? – прошептала она в ответ.

– Исчезнуть бы мне надо как-то, – вымолвила Люба. – Но пока не знаю, как.

– Может, хозяевам рассказать? Они люди добрые, помогут! – предложила Серафима.

– Я бы рассказала, кабы была тут Любовь Васильевна, но её же нет, а мне надо опередить супостатов, уехать прямо сейчас. Да и неловко мне втягивать хозяев в свои дела, они и так хорошо мне помогли.

– А, может, того парня попросить? – воскликнула Любушка. – Ну, который тогда на рынке с тобой разговаривал! Ты ещё поклонь своей родне через него слала.

– Николку? Дак, кабы он здесь был... – начала Люба.

– Здесь он! Здесь! – перебила её Сима. – Покуда вы с Раисой на рынок-то ходили, он тут возле дома вертелся. Я узнала его и вышла, поняла, что он тебя высматривает, вот и сказала, что на рынке ты, он туда и направился.

Загоревшиеся, было, глаза Любушки тут же и потухли. Раз он ушёл, значит, не найти его теперь. Не бежать же следом на рынок. Да и опасно ей из дому-то выходить.

Тут в дверь негромко постучали, и на пороге появился Пётр Яковлевич. Он попросил Серафиму оставить его наедине с Любушкой, и та нехотя вышла. Любаше совсем не понравились смеющиеся глаза доктора. Ей сейчас было не до смеха, и потому она глянула на него исподлобья.

– А чего это Вы хмуритесь, сударыня? Вашему прекрасному личику это совсем не идёт, – начал доктор, глядя на неё поверх пенсне.

– Жизнь у меня такая, Пётр Яковлевич, не до веселья мне, – сурово ответила Любаша. Игривый тон хозяина был ей неприятен.

– Разве Вам у нас плохо живётся, Любушка? Или работа не по сердцу? Вроде, Любовь Васильевна Вами довольна, а Софьюшка так вообще души не чаёт в новой няне.

– Беда у меня, – серьёзно сказала Люба, – помощь мне нужна.

– А это моя работа – оказывать помощь страждущим, – опять попытался шутить хозяин.

– Не до шуток мне, доктор! – строго сказала Люба. – Может, моя жизнь висит на волоске!

Пётр Яковлевич вмиг сделался серьёзным и попросил Любашу немедленно рассказать ему обо всём. Та, надеясь на его помощь, откровенно поведала о сегодняшнем происшествии и завершила рассказ, выразив желание уехать из этого дома и лучше бы подальше от Тагильского завода.

– Подальше, говоришь? Хорошо! Увезу тебя подальше! В Екатеринбург, у меня там сестра живёт, только никому в доме не говори, куда мы едем! – решительно проговорил доктор и велел ей собираться, а сам вышел, сказав, что он сейчас отыщет извозчика и вернётся за ней.

Любушка мигом собрала свои нехитрые пожитки. Завязала в узелок кое-что из белья, гребень, шпильки, ленты и прочие мелочи. В дверь тихонько проскользнула Серафима. Любаша шёпотом сообщила, что хозяин вызвался ей помочь и теперь увозит её в Екатеринбург, но велела держать это в секрете и, не дай Бог, не проговориться Раисе. Сима ответила, что повариха ушла куда-то, не сказавшись. Горничная душевно обняла Любу на прощанье и наказывала быть осторожнее с доктором. Не стоит, мол, забывать про слабость-то его пагубную к женского полу. Любушка ответила, что у неё нет выбора, и она вынуждена принять его помощь, а если что, она сумеет за себя постоять. Вскоре явился Пётр Яковлевич и велел Любаше следовать за ним.

Серафима смотрела вслед отъезжавшей коляске, когда к дому подошёл тот же парень, что и прежде.

– Вернулась ли Любаша? – спросил он.

– Вернулась, да снова уехала, – ответила горничная. – Не будет её тут больше, не ищи.

– Как не будет? – недоумевал он. – Мне надо обязательно встретиться с ней!

– Ты ведь Никола? – спросила Сима.

Тот кивнул.

– Так вот, Никола! – понизив голос, заговорила она. – В беде твоя Любушка, а хозяин наш вроде как выручает её из этой беды. Да только боюсь я, как бы он её в другую беду не ввёл. Так что ты поезжай-ка следом, да выручай девицу. Не велела она говорить, куда её везут, но тебе скажу, вижу, что парень ты надёжный, и сама она тебе доверяет. Кабы пришёл ты чуток пораньше, так, может, и с тобой бы она поехала-то. В общем, в Екатеринбург они направились. Так что, нанимай, парень, извозчика да гони следом. Может, и успеешь.

Глава 12

Любушка сидела в коляске, которая увозила её в неизвестность, и не знала, радоваться ей этому или огорчаться. Ей нравилась её работа, так неожиданно свалившаяся на неё, и было жаль её терять. Это, конечно, печалило девицу. Но она спасалась от неминуемой гибели, и тут уж выбирать не приходилось. Ей хотелось уехать из Тагильского завода как можно скорее и как можно дальше. Но ведь она бежала вдаль и от родного дома, и это её печалило. Одно утешало – в Екатеринбурге живёт тётушка Нюра Смирнова, сестра отчима, и можно будет остановиться у неё. Из рассказов Василки, который прожил у тётки долгих четыре года, пока учился там, она знала, что дом Смирновых стоит на улице Уктусской, вот только номер дома Люба забыла. Но это ведь не беда, всегда можно спросить у людей. В их заводе, например, все друг друга знают и легко покажут, где человек живёт. Значит, и там так же. К тому же ей известно, что недалеко находится красивая церковь с чудным названием Большой Златоуст. Это она тоже запомнила из рассказов Василки. Ей сейчас главное – добраться до Екатеринбурга, а там уж она сыщет своих родственников, и они ей обязательно помогут. В их семье всегда все друг другу помогают. Но Петру Яковлевичу она не сказала про родню тамошнюю, пусть он думает, что она едет с ним к его сестре. Любаша не смогла бы объяснить, почему умолчала об этом, просто чувствовала, что так будет лучше.

Вот уже заводское кладбище осталось позади, и дорога устремилась прямо в лес.

– Поспешай, любезный, – обратился Пётр Яковлевич к ямщику. – Нам бы дотемна успеть добраться до Невьянского завода.

– Как будет угодно, барин, – отозвался мужик и хлестнул лошадей.

Люба встрепелась, выходит, что в Невьянском заводе они остановятся на ночлег? Об этом она как-то не подумала. Она ведь не так глупа, чтобы не понимать, что Пётр Яковлевич неспроста поехал с ней. К тому же, Сима активно намекала ей на это. Но Любушка готова постоять за себя, в свою котомочку она положила небольшие ножницы – единственный острый предмет, какой был в её комнатке. Защищая свою честь, она на всё пойдёт.

– О чём задумалась, Любаша? – спросил Пётр Яковлевич, слегка подвинувшись к ней, и осторожно погладил её по руке.

– Да вот, думаю, что же случилось с той няней, которая до меня в вашем доме работала, – тихо произнесла она, выдернув свою руку, и дерзко глянула в лицо доктору.

– А ты не так проста, лапушка, как кажешься на первый взгляд! – удивлённо проговорил он.

– Я Вам не лапушка! Извольте извиниться, сударь! – сказала Люба серьёзно, удивляясь сама себе.

– Ну, прости, прости! – миролюбиво проговорил доктор и, смеясь, добавил:

– А ты интересная барышня, оказывается! Ты меня постоянно удивляешь!

– Чем же? – спросила Любаша.

– Непредсказуемостью. В тебе удивительно сочетаются трогательная наивность и одновременно с тем откровенная дерзость. Ты можешь быть холодна и отстранённа, но стоит тебя тронуть, и ты мгновенно вспыхнешь жарким пламенем.

– Так не трогайте, господин доктор, не то обожгу!

Пётр Яковлевич рассмеялся:

– Уже обожгла! Твоё прекрасное личико говорит мне, что в жилах у тебя течёт цыганская кровь, а это так романтично! Цыгане – народ горячий. Я уже представляю, насколько ты можешь быть горяча, душа моя!

Говоря это, он подвинулся ещё ближе к Любаше.

– Осторожно, доктор! Со мной шутки плохи! – сквозь зубы прошипела она, и мгновенно вынутые из котомки ножницы острым концом направились на него. – Ещё одно движение, и Вы горько пожалеете о нём! Боюсь, что Вам самому тогда понадобится доктор.

Пётр Яковлевич растерялся. Он не ожидал такого отпора и тут же отодвинулся от Любы. Но это только сильнее раззадорило его. Чем недоступнее лакомый кусок – тем он притягательнее. Ничего, он подождёт, так даже интереснее. Доктор закрыл глаза и сделал вид, что задремал, а сам в это время сквозь опущенные ресницы наблюдал за Любушкой, которая не переставала его удивлять.

А перепуганная девица обдумывала, как бы ей избавиться от своего навязчивого спасителя. Она ему, несомненно, очень благодарна, но та плата, на которую он рассчитывает, ей не по душе. И никто её не спасёт, если сама она об этом не позаботится. Может быть, когда они доедут, ей стоит выскочить из коляски и броситься к первому встречному с мольбой о помощи? Но не примут ли её за сумасшедшую? Или обратиться к полицейскому? Но встретится ли он на их пути? Можно прямо сейчас броситься в лес. Но и там её ждёт верная погибель.

Солнце уже начало закатываться, когда впереди показались избы Невьянского завода, а она так ничего и не придумала. Повозка остановилась у постоялого двора, и доктор пошёл узнать, можно ли тут остановиться на ночлег. Любаша поняла, что другой возможности избавиться от своего попутчика у неё может не быть, и осмотрелась. Сердце неистово колотилось.

– Дяденька, миленький, – обратилась она к извозчику. – Давайте уедем отсюда, покуда доктор не вернулся! Нельзя мне тут с ним оставаться! Увезите меня в Екатеринбург!

– Нет, в ночь я никуда не поеду! – повернулся к ней возница. – Опасно ночью в лесу. К тому же, барин мне ещё не заплатил. А с тебя чего взять? Поди, и денег-то нет. Вот заплатит мне барин вперёд и скажет, куда тебя свезти – тогда другой разговор, завтра с утра и отправимся.

И он снова отвернулся. Любушка готова была разрыдаться. Ну что же ей теперь делать-то?

Вдруг посреди дороги остановилась повозка с пожилой монахиней. Кучер спрашивал у прохожего, как проехать на какую-то улицу. Любушка соскочила с коляски и бросилась к ним:

– Умоляю Вас, матушка, спасите меня, возьмите с собой, иначе погибель мне грозит через моего спутника.

Та внимательно посмотрела на девицу и молча указала на сиденье напротив себя. Люба юркнула в повозку, и кучер тронул лошадей. Они уже поворачивали в проулок, когда девица увидела, что Пётр Яковлевич возвращается к своей коляске.

– Спасибо Вам, матушка! Сам Господь послал мне Вас во спасение! – перекрестилась Любушка.

– Куда путь держишь, странница? – спросила монахиня.

– Вообще-то я ехала в Екатеринбург, но куда привезёте, там и ладно. Главное – я избавилась от неминуемой беды.

– Мы в Екатеринбург и едем. Но только завтра. Сейчас мне надобно навестить одного мастера, а потом остановимся на ночлег у моей старинной приятельницы. Если тебе некуда пойти, то можешь остаться со мной.

Любушка искренне поблагодарила свою спасительницу.

– А имя твоё как же? – вновь обратилась к ней монахиня.

– Люба я.

– Любовь, значит? – усмехнулась старуха. – Уж не от любовей ли все твои беды-то, странница?

Люба пожала плечами. Наверное, монашка права.

В это время коляска остановилась возле какой-то избы.

– Подожди меня тут, я скоро! – распорядилась старуха.

– А можно мне с Вами? – с мольбой в голосе обратилась к ней Люба, ей было страшно оставаться одной, а вдруг доктор Иноземцев мчится следом за ними? Любе казалось, что рядом с монахиней она будет под её защитой.

– Ну, пойдём! – ответила та. – Видать, сильно тебя напугали-то, горемычная.

На стук им отворил невысокий бородатый мужичонка. Поверх рубахи на нём был повязан фартук из плотной материи, сплошь заляпанный какими-то разноцветными жирными пятнами.

– Здравствуйте, матушка Феофания! – приветствовал он старуху, а, увидав Любушку, кивнул и ей. – Добро пожаловать!

– И тебе доброго здравия, Глебушка! – ответила монахиня, входя.

Любушка поклонилась хозяину и последовала за своей спасительницей. Они вошли в просторную избу, где остро пахло красками и чем-то ещё. Любаша осмотрелась и поняла, что это иконописная мастерская. Кругом лежали сохнувшие иконы, иные были не дописаны, а какие-то уже стояли у стены на столе, готовые к продаже. Любушка перекрестилась на образа. Тут же она увидела приготовленные к письму доски, которым ещё предстояло стать иконами. На некоторые из них была наклеена льняная паволока¹³, другие ещё не обработаны. В мастерской находились двое парней в таких же фартуках, как у хозяина, и девица в монашеском одеянии. Все они поприветствовали вошедших, а молодая монашка при виде гостей радостно всплеснула руками. Пока старая монахиня беседовала с хозяином, Любушка медленно двинулась по мастерской. Один из парней покрывал доску поверх паволоки белым грунтом, другой в это время смешивал зелёный порошок с какой-то жидкостью. Рядом лежала яичная скорлупа. Увидав, как заинтересованно Любаша смотрит на его действия, парень слегка улыбнулся и сказал:

– Краску делаю. Из малахитового порошка.

И он кивнул на чугунную ступку, из которой подсыпал порошок. Заметив, что Люба остановила взгляд на скорлупе, добавил:

– На яичной эмульсии замешиваю.

Люба благодарно кивнула ему. Тут же лежали небольшие камушки. Показав на зелёные камни, парень продолжал:

– Это малахит, из него зелёный порошок делаем.

Любаша опять кивнула.

– А это лазурит, из него голубой, – добавил он, указав на голубые камушки, а сам в это время внимательно разглядывал гостью.

Любашу, уже привыкшую к пристальным мужским взглядам, на сей раз почему-то поколебало такое откровенное внимание парня. Это казалось неуместным здесь, среди множества взоров, обращённых на них с икон. Она поспешила отойти от него и приблизилась к монашке, которая тонкой кистью прорисовывала складки одеяния Богородицы. Любушка замерла в изумлении. Никогда она не задумывалась, как делаются иконы, хотя видела их постоянно, и в каждом доме, и в церквях. Обычно они притягивали её взор, и помимо воли девица пристально вглядывалась в святые лики, которые рождали в душе благоговейный трепет. Сейчас она смотрела, как ловко работает кистью монашка, и душа её обмирала от причастности к таинству создания образа Божьей Матери. Голос старой монахини вывел её из оцепенения:

– Сестра Макария, готова ли ты вернуться в обитель?

– Готова, матушка Феофания! – откликнулась иконописица.

– Тогда собирайся!

¹³ Паволока – ткань, наклеиваемая на иконную доску.

Когда все попрощались с Глебом и уселись в коляску, за ворота вышли оба молодых мастера. Любаша заметила, что сестра Макария при этом зарделась и потупила глаза. Лошади тронулись, и парни помахали путницам вслед.

– Ну, Макария, рассказывай, не зря ли ты сюда приезжала, какие премудрости в иконописании вызнать тут успела? – начала пытаться её мать Феофания.

– Усердно работают мастера, истово, – отвечала Макария, – тут уж ничего не могу сказать. Вроде и всё как у нас делается, а всё равно как-то не так выходит.

– Уж, не на раскольников ли дух ты намекаешь, милая? Вроде, Глеб ещё мальцом был, когда отец его вместе с братом перешли в единоверие, иначе им бы не позволили мастерскую-то держать.

– Есть в их письме что-то такое, что мне трудно выразить словами, – задумчиво проговорила Макария.

– А что сумеешь выразить – такое есть? – наседала матушка, хитро прищурясь.

– Есть, – улыбнулась монашка, – краски у них насыщеннее, и позолоты много используют. Да и мастера они отличные – этого не отнимешь.

– Чай, заказчики-то у них купцы да золотопромышленники, народец небедный. Им и образа подавай поярче, да чтоб с позолотой, – усмехнулась старая монашка.

Любушка слушала этот разговор и чувствовала, что сегодня ей приоткрылся новый, неведомый доселе мир. Разве могла она предположить ещё утром, что вечером окажется в таком необычном обществе, да ещё и увидит воочию, как пишутся иконы?! День, насыщенный самыми разнообразными событиями, шёл к концу, и она вдруг ощутила жуткую усталость. Глаза Любаши то и дело слипались, и ей стоило больших усилий постараться не заснуть прямо в повозке, пока они добирались до ночлега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.